Becoming. Моя история

Автор:
Мишель Обама

Becoming. Моя история

Мишель Обама

Воспоминания жены президента. За каждым сильным мужчиной стоит сильная женщина

«Becoming» – одна из самых ожидаемых книг этого года. Искренние и вдохновляющие мемуары бывшей первой леди Соединенных Штатов Америки уже проданы тиражом более 3 миллионов экземпляров, переведены на 32 языка и 10 месяцев возглавляют самый престижный книжный рейтинг Amazon. В своей книге Мишель Обама впервые делится сокровенными моментами своего брака – когда она пыталась балансировать между работой и личной жизнью, а также стремительно развивающейся политической карьерой мужа. Мы становимся свидетелями приватных бесед супругов, идем плечом к плечу с автором по великолепным залам Белого дома и сопровождаем Мишель Обаму в поездках по всей стране. «Перед первой леди Америка предстает без прикрас. Я бывала на аукционах в частных домах, больше похожих на музеи, где стояли ванны из драгоценных камней. Видела семьи, которые потеряли все в урагане Катрина и были до слез благодарны получить в дар хотя бы работающие холодильник и плиту. Я встречала лицемеров и лгунов. Но также встречала и учителей, жен военнослужащих и многих других людей, настолько сильных духом, что я с трудом верила своим глазам». Рассказывая свою историю честно и смело, автор заставляет каждого из нас задуматься: кто я и какова моя история?

Мишель Обама

Becoming. Моя история

Michelle Obama

Becoming

© 2018, Michelle Obama

© Мышкина Я. О., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Всем, кто помог мне стать собой: людям, вырастившим меня, – Фрейзеру, Мэриан, Крейгу и остальным членам моей большой семьи; кругу сильных женщин, толкавших меня вперед; лояльному и преданному персоналу, которым я до сих пор горжусь.

А также любви всей моей жизни – Малие и Саше, двум бесценным горошинкам, наполняющим мою жизнь смыслом, и, наконец, Бараку, который всегда обещал, что нас ждет удивительное путешествие.

Вступление

В детстве мои мечты были простыми. Я хотела собаку. Двухэтажный частный дом с лестницей. Четырехдверный универсал вместо двухдверного «Бьюика» – радости и гордости моего отца. Я говорила всем, что стану педиатром. Почему? Мне нравилось возиться с маленькими детьми, и я быстро поняла, что примерно такого ответа взрослые от меня и ждут. «Ух ты, доктор! Прекрасный выбор!» Я собирала волосы в хвостики, помыкала своим старшим братом и приносила из школы одни пятерки. Была очень целеустремленной, хотя и не совсем понимала,

в чем моя цель.

Теперь мне кажется, «кем ты хочешь стать, когда вырастешь?» – один из самых глупых вопросов, который взрослый может задать ребенку. Будто у взросления есть финал. Будто однажды ты просто становишься кем-то определенным. Завершенным. Застывшим.

За свою жизнь я успела поработать юристом, вице-президентом больницы и директором некоммерческой организации, которая помогает молодым людям строить осмысленную карьеру. Я была черной студенткой из рабочего класса в престижном колледже преимущественно для белых, а также единственной женщиной и единственной афроамериканкой в самых разных компаниях. Я была невестой, нервной новоиспеченной мамой, дочерью, которую горе раздирало на части. И до недавнего времени – первой леди Соединенных Штатов Америки. Неофициальная должность, открывшая для меня совершенно невообразимые возможности. Она бросала вызовы и учила смирению, поднимала на вершину мира и сбивала с ног. А иногда все это одновременно.

Я только начинаю осознавать, что произошло со мной за последние годы: с того момента в 2006-м, когда мой муж впервые решил баллотироваться в президенты, до холодного зимнего утра в 2017-м, когда я села в лимузин к Мелании Трамп, чтобы сопровождать ее на инаугурацию Дональда. Та еще поездка.

Перед первой леди Америка предстает без прикрас. Я бывала на аукционах в частных домах, больше похожих на музеи, где стояли ванны из драгоценных камней. Видела семьи, потерявшие все в урагане «Катрина» и до слез благодарные за работающий холодильник и плиту. Я встречала лицемеров и лгунов. Но также встречала и учителей, жен военнослужащих и многих других людей настолько сильных духом, что я с трудом верила своим глазам. И конечно, я знакомилась со множеством детей по всему миру, они смешили меня до слез, наполняли мое сердце надеждой и, слава богу, забывали мой титул сразу, как только мы начинали что-нибудь искать в земле в саду.

С тех пор как я скрепя сердце стала публичной личностью, меня раз за разом превозносили как самую влиятельную женщину в мире и унижали как «злобную черную женщину». Хотелось бы узнать у недоброжелателей, какая часть этой фразы должна быть для меня обиднее: «злобная», «черная» или «женщина»?

Я улыбалась для снимков с людьми, которые говорили о моем муже гадости по национальному телевидению, но при этом хотели поставить на свою каминную полку памятную фотографию с ним. В интернет-болотах обсуждалась мельчайшая деталь моей личности, вплоть до того, мужчина я или женщина. Действующий конгрессмен США ерничал по поводу моей задницы. Меня это задевало, я ужасно злилась, но в большинстве случаев просто пыталась посмеяться над этим.

Я все еще многого не знаю об Америке, о жизни и о том, чего ждать от будущего. Но я знаю себя. Мой папа, Фрейзер, научил меня усердно трудиться, часто смеяться и держать слово. Моя мама, Мэриан, объяснила, как важно думать самостоятельно и говорить открыто. Вместе, в тесной квартирке на южной окраине Чикаго, они помогли мне осознать ценность нашей семейной и моей личной истории в рамках истории страны.

Даже если она не красива, не идеальна и более реальна, чем вам хотелось бы, ваша история – единственное, что у вас есть. Единственное, что будет с вами всегда. Это то, от чего нельзя отказываться.

Восемь лет я жила в Белом доме, где лестниц было больше, чем можно сосчитать. Там имелись лифты, дорожки для боулинга и собственный флорист. Я спала на итальянских простынях. Еду нам готовили шеф-повара с мировым именем, а сервировали ее лучше, чем во многих пятизвездочных ресторанах. Вооруженные агенты секретной службы с маленькими наушниками стояли за каждой дверью. Отстраненные лица агентов говорили о том, что они пытаются держаться как можно дальше от нашей личной жизни. В какой-то момент мы даже привыкли к этому странному окружающему великолепию и тихому присутствию чужаков.

В Белом доме наши дочери играли в мяч в коридорах и лазали по деревьям на Южной лужайке[1 - Южная лужайка (англ. South Lawn) Белого дома, также известная как «задний двор Белого дома», расположена перед южным фасадом здания президентской резиденции. Ее украшает большой фонтан. – Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.]. Барак засиживался до глубокой ночи, изучая брифинги и наброски речей в Зале Договора[2 - Зал Договора (англ. Treaty Room) находится на третьем, «семейном» этаже Белого дома и используется как личный кабинет президента. Назван так в честь того, что в 1898 году двадцать пятый президент США Уильям Мак-Кинли подписал в нем мирный договор с Испанией.]. А Санни, одна из наших собак, иногда гадила на

ковры.

Я помню, как стояла на балконе Трумэна[3 - Балкон Трумэна (англ. Truman Balcony) находится на втором этаже Белого дома и выходит на Южную лужайку. Был построен в 1948 году при президентстве Гарри Трумэна. В 2012 году Барак Обама упоминал балкон в числе любимых мест Мишель Обамы в Белом доме.] и смотрела на туристов с селфи-палками. Они фотографировали наш дом из-за железного ограждения и гадали, что же происходит внутри.

Иногда я буквально задыхалась оттого, что нам запрещали открывать окна из соображений безопасности. Нельзя было даже глотнуть свежего воздуха, не вызвав этим скандал. И в то же время я замирала от восторга, глядя из этих окон на магнолии в цвету, на ежедневную суматоху политических дел, величественность военных приветствий.

Были дни, недели, месяцы, когда я ненавидела политику. Но были и моменты, когда от красоты этой страны и ее людей у меня перехватывало дыхание и я не могла вымолвить ни слова.

А потом все закончилось. Даже когда ты знаешь, что конец близок и последние несколько недель наполнены прощаниями, сам день все равно проходит как в тумане. Рука на Библии, клятвы. Мебель одного президента выносят, другого – заносят. Шкафы опустошаются и наполняются снова за считаные часы. И вот уже новые головы покоятся на новых подушках – новые темпераменты, новые цели. Когда в последний раз выходишь за дверь самого знаменитого здания в мире, приходится во всех смыслах начинать все сначала.

Позвольте мне упомянуть здесь одно маленькое происшествие. Это случилось недавно. Я была в новом доме из красного кирпича. Мы с семьей только что переехали сюда. Дом стоял всего в паре миль от старого, на тихой соседней улочке. Мы едва начали обживаться, и в гостиной все было обустроено так же, как в Белом доме. В каждом уголке прятались маленькие напоминания о прошедших годах: семейные фотографии из Кэмп-Дэвида[4 - Кэмп-Дэвид (англ. Camp-David) – загородная резиденция президента США в паре часов езды от Вашингтона. Расположена в парке горы Катоктин.], горшки ручной работы, подаренные мне студентами-индейцами, книга с автографом Нельсона Манделы.

Самое странное, что в этот вечер никого, кроме меня, не было дома. Барак уехал в командировку, Саша ушла с друзьями, а Малия в то время жила и работала в Нью-Йорке, воспользовавшись своим академическим годом[5 - Академический год (англ. Gap year) – год перерыва между окончанием школы и началом учебы в вузе. Многие колледжи, в первую очередь Гарвардский и Принстонский университеты, поощряют взятие академического года и даже предлагают для него свои программы. Малия Обама брала академический год перед поступлением в Гарвард.] перед колледжем. Только я, две собаки и тихий, пустой дом. Такого со мной не случалось уже восемь лет.

Мне хотелось есть, так что я зашла на кухню, заглянула в холодильник, взяла два кусочка хлеба и положила их в тостер. Открыла шкаф и вынула оттуда тарелку. Знаю, звучит странно, но то, что я сама достала тарелку с кухонной полки, не услышав ни одного предложения о помощи, а потом смотрела, как хлеб постепенно покрывается коричневой корочкой, – все это как будто вернуло меня к прежней жизни. Или, может быть, наоборот, это моя новая жизнь впервые дала о себе знать.

Я положила чеддер между двумя кусочками хлеба и расплавила его в микроволновке. Потом вынесла тарелку с тостом на задний двор. Мне не пришлось никому говорить, что я собираюсь выйти. Я просто вышла. Босиком, в шортах. Зимние холода закончились, и из-под земли начинали пробиваться нежные головки крокусов. В воздухе пахло весной. Я села на деревянные ступеньки, все еще теплые от солнца.

Где-то вдалеке залаяла собака – и звук застал моих псов врасплох. Для них это оказалось в новинку: пока мы жили в Белом доме, у нас не было соседей, а тем более соседских собак. Они впервые поняли, что где-то существуют другие животные, и отправились обнюхивать территорию.

Я ела тост в темноте, ощущая свое одиночество в лучшем смысле этого слова. Мне наконец не нужно было думать о вооруженных охранниках, которые могли бы сидеть на импровизированном командном посту в гараже меньше чем в ста ярдах[6 - 91,4 метра. – Прим. ред.] от меня, или о том, что я не могу пройтись по улице без плана по обеспечению моей безопасности. В голове в кои-то веки не было ни единой мысли о новом – и даже старом – президенте.

Вместо этого я представляла, как через несколько минут вернусь обратно в дом, помою тарелку в раковине, поднимусь в спальню и открою окно, чтобы впустить

весенний воздух, – и как это будет чудесно. В тишине у меня впервые появилась возможность все обдумать. Когда я доживала до конца рабочей недели, будучи первой леди, то не могла вспомнить ее начало. Теперь же время ощущалось по-другому.

Мои девочки въезжали в Белый дом с карманными куколками Полли[7 - Карманные куколки Полли (англ. Polly Pocket) – серия кукол и аксессуаров карманного размера в пластиковых чемоданчиках.], с одеялом по кличке Одеяльчик и плюшевым тигром по кличке Тигр, а сейчас они обе уже девушки с собственными планами и взглядами. Мой муж наконец перевел дыхание и строит планы на жизнь после Белого дома. А я здесь, на новом месте. И мне многое хочется рассказать.

Становясь собой

1

Бо?льшая часть моего детства прошла под звуки усилий. Они просачивались между половицами моей комнаты и разрывали сердце всхлипами если не самой плохой на свете, то точно любительской музыки. Плинк, плинк, плинк – на нижнем этаже ученики двоюродной тети Робби медленно и неверно оттачивали исполнительские навыки за ее стареньким пианино.

Мы с семьей жили на южном побережье озера Мичиган в Чикаго. Аккуратный кирпичный домик, в котором прошло мое детство, принадлежал нашим родственникам. Мои родители арендовали комнаты на втором этаже, а Робби и ее муж Тэрри жили на первом. Робби была маминой тетей и всегда хорошо к ней относилась, но меня она приводила в ужас. Чопорный дирижер церковного хора и местная учительница музыки, она носила очки для чтения на цепочке и высокие каблуки. Несмотря на лукавую улыбку, Робби не одобряла мамин сарказм.

Я часто с благоговением слушала, как Робби отчитывает учеников за отсутствие практики или их родителей за опоздания. Ее «доброй ночи!» в середине дня звучало похлеще любого ругательства. Да, Робби нелегко было угодить.

Звук чьих-то стараний стал неизменным саундтреком нашей жизни. Дневное плинканье, вечернее плинканье… Иногда к нам заходили дамы из церкви, чтобы попрактиковаться в пении гимнов и освятить своим благочестием наши стены. Согласно правилам Робби, детям было разрешено разучивать только по одной пьесе за раз, так что я постоянно слушала, как они пытаются добраться от «Пасхальных куличиков»[8 - Пасхальные куличики (англ. Hot Cross Buns) – английская детская песенка.] до «Колыбельной»[9 - «Колыбельная» написана немецким композитором Иоганнесом Брамсом как часть симфонии в 1868 году.] Брамса. Одна неверная нота за другой.

Не то чтобы музыка была раздражающей, но она практически никогда не замолкала. Плинканье подкрадывалось по лестнице, вырывалось летом из открытых окон и сопровождало все мои мысли, занятые Барби и маленькими королевствами из кубиков. Передышку мы получали только с приходом отца – он возвращался с ранней смены на водоочистительной станции и включал по телевизору игру «Кабс»[10 - «Чикаго Кабс» (англ. Chicago Cubs) – профессиональный бейсбольный клуб.] на полную громкость.

Заканчивался сезон 1960-го. «Кабс» играли не так уж плохо, но и хорошей командой их тоже нельзя было назвать. Я сидела у папы на коленях и слушала, что они совсем выдохлись к финалу, а Билли Уильямсу, который жил за углом на Констанс-авеню, удавался такой сладкий свинг с левой[11 - Сладкий свинг (англ. Sweet swing) – устойчивое выражение. Свинг – удар в бейсболе, при котором мяч летит за пределы поля. «Сладкий свинг», таким образом, означает свинг, пришедшийся на нужный момент.].

А за пределами стадионов в Америке происходили большие и туманные перемены. Кеннеди убили. Мартина Лютера Кинга застрелили на балконе в Мемфисе, что вызвало волну беспорядков по всей стране, включая Чикаго. Национальный съезд Демократической партии 1968 года закончился кровью демонстрантов, выступающих против войны во Вьетнаме. Полицейские вовсю орудовали дубинками и слезоточивым газом в Грант-парке[12 - Грант-парк (англ. Grant Park) – большой городской парк (1,29 км?) в Чикаго.], всего в девяти милях к северу от нашего дома. Белые семьи массово уезжали из городов и селились в пригородах, влекомые мечтой о хороших школах, больших участках и, видимо, исключительно белых соседях.

Ничто из этого, конечно, по-настоящему меня не задевало. Я была обычной девочкой с Барби и кубиками, двумя родителями и старшим братом, который каждую ночь укладывался спать в трех футах[13 - 3 фута = 91 см.] от меня. Моя вселенная строилась вокруг семьи. Я рано научилась читать, и мы с мамой часто ходили в публичную библиотеку. По утрам папа уходил на службу в синей рабочей униформе, а вечерами возвращался и показывал нам, что значит по-настоящему любить джаз.

В детстве он брал уроки в Институте искусств Чикаго[14 - Чикагский институт искусств (англ. Art Institute of Chicago) – художественный музей и высшее учебное заведение.], а в старшей школе рисовал и лепил. Он также плавал и занимался боксом, но с возрастом эти увлечения превратились в просмотр спортивных шоу – от профессионального гольфа до игр НХЛ. Папе нравилось наблюдать за успехом сильных людей. Когда брат увлекся баскетболом, отец клал монетки на дверную раму на кухне, чтобы Крейг за ними подпрыгивал.

Все, что имело для меня значение, находилось в радиусе пяти кварталов: мои бабушки и дедушки, дяди и тети, церковь и воскресная школа, заправка, куда мама посылала меня за пачкой «Ньюпорта»[15 - «Ньюпорт» (англ. Newport) – американские сигареты с ментоловым вкусом.], магазин, где продавались булочки, конфеты за пенни и молоко. Летом, в особенно жаркие ночи, мы с Крейгом засыпали под звуки оваций: в парке неподалеку проходили соревнования по софтболу[16 - Софтбол (англ. softball) – спортивная командная игра с мячом, разновидность бейсбола.]. А днем мы лазали там по игровой площадке и бегали с другими детьми.

Крейг всего на два года старше меня. От отца он унаследовал добрые глаза и оптимистичный взгляд на мир, от матери – твердость характера. Мы с братом всегда были очень близки, отчасти благодаря его неизменному и порой необъяснимому чувству ответственности за меня, младшую сестренку.

Есть старая черно-белая фотография нас четверых на диване. Мама держит меня на руках и улыбается. Серьезный и гордый папа сидит рядом с Крейгом. Мы одеты так, будто собираемся в церковь или, может, на свадьбу. Мне около восьми месяцев, и я выгляжу как невозмутимый пухлощекий борец в подгузниках и выглаженном белом платьице. Я готова в любой момент выскользнуть из тисков маминых рук и проглотить камеру. Крейг рядом похож на маленького, крайне серьезного джентльмена в галстуке-бабочке и пиджаке. Брату всего два года, но его пальцы уже покровительственно обхватывают мое

толстое запястье, воплощая всю будущую братскую бдительность и ответственность.

Этот снимок сделали, когда мы жили через дверь от родителей моего отца в Парквэй-Гарденс[17 - Парквэй-Гарденс (англ. Parkway Gardens) – комплекс жилых домов на юге Чикаго, построенный в рамках программы доступного жилья в 1950-х.]. Их многоквартирный дом – вариант доступного жилья для черных семей из рабочего класса – был спроектирован в 1950-х. Позже этот район станет одним из самых опасных мест города из-за стремительно растущей бедности и расцвета жестоких банд. Но мы уедем оттуда задолго до этого, когда мне будет три года, а родители, которые познакомились подростками и поженились в двадцать пять, примут приглашение перебраться на несколько миль[18 - 1 миля = 1,61 км.] к югу, к Робби и ее мужу Терри, где обстановка намного спокойнее. Там, на Эвклид-авеню, под одной не очень большой крышей будут жить две разных семьи.

Судя по планировке, второй этаж дома Робби и Терри был задуман для родителей одного из них и рассчитан на двух человек. Но мы умудрялись жить там вчетвером. Мама с папой делили спальню, а мы с братом – комнату побольше, которая изначально задумывалась как гостиная.

Позже, когда мы подросли, дедушка – Парнелл Шилдс, отец моей матери, непрофессиональный, но очень увлеченный плотник, – принес несколько дешевых деревянных панелей и разделил нашу комнату надвое. В каждую спальню он оборудовал отдельный вход – пластиковую дверь-гармошку – и спроектировал общую зону для книг и игрушек.

Я обожала свою комнату. В ней было достаточно места для кровати и узкого письменного стола. Всех своих плюшевых зверят я держала рядом с подушкой и старательно раскладывала вокруг головы каждую ночь перед сном. С другой стороны стены, в зеркально отраженном пространстве, Крейг спал на своей кровати. Перегородка была такой тонкой, что мы могли разговаривать по ночам и даже бросать друг другу тканевый мячик через десятидюймовую[19 - 10 дюймов = 25,4 см.] щель между деревянной панелью и потолком.

Тетя Робби предпочла устроить из своей части дома настоящий мавзолей. Всю мебель она обернула холодными и липкими пластиковыми чехлами[20 - Некоторые американцы из бедных слоев населения использовали пластиковые защитные чехлы для мебели, чтобы она меньше изнашивалась, особенно если в

доме животные или дети.], а на полках выставила ряды фарфоровых фигурок, к которым нам было запрещено прикасаться. Однажды я дотронулась до группы стеклянных пуделей со славными мордочками, но тут же отдернула руку, опасаясь возмездия тети.

В перерывах между уроками музыки на этаже Робби и Терри царила полная тишина. Они никогда не включали ни радио, ни телевизор, и я даже не уверена, разговаривали ли они друг с другом. Полное имя дяди звучало как Вильям Виктор Терри, но по какой-то причине все звали его просто Терри. Этот молчаливый утонченный мужчина в неизменном костюме-тройке походил на собственную тень.

Мне казалось, что первый и второй этажи – это два разных мира, которыми правят противоположные чувства. Мы наверху были ужасно шумными и никогда за это не извинялись. Мы с Крейгом вечно играли в мяч и гонялись друг за другом по этажу. Иногда натирали деревянный пол в коридоре полиролью для мебели, чтобы кататься по нему в носках и врезаться в стены. Мы даже боксировали на кухне в настоящих боксерских перчатках, которые отец подарил нам на Рождество. А вечерами всей семьей играли в настольные игры, рассказывали друг другу истории и шутки и слушали на магнитофоне Jackson 5[21 - Jackson 5 – американская музыкальная группа, состоящая из братьев Джексон, в числе которых был и самый известный в дальнейшем – Майкл Джексон.]. Когда терпению тети Робби приходил конец, она щелкала выключателем в общем холле, чтобы вежливо попросить нас вести себя потише.

Робби и Терри принадлежали к другому поколению. Они росли в другую эпоху, у них были другие проблемы и причины для беспокойства. Они видели то, чего не видели наши родители и чего мы с Крейгом в своем беззаботном детстве даже не могли вообразить. Примерно так говорила мне мама, когда я обижалась на ворчунью снизу. У каждого на этой планете, объясняли нам, есть своя нерассказанная история, и хотя бы поэтому все люди заслуживают толерантности.

Много лет спустя я узнала, что Робби судилась с Северо-Западным университетом[22 - Северо-Западный университет (англ. Northwestern University) – частный исследовательский американский университет, расположенный в северном пригороде Чикаго – городе Эванстон, штат Иллинойс.] за дискриминацию. В 1943 году она зарегистрировалась на семинар по хоровому пению, и ей отказали в праве остановиться в женском общежитии.

Вместо этого предложили арендовать комнату в одном из городских домов – «для цветных». Терри же работал пулман-портье[23 - Пулман-портье – работники, обслуживающие спальные вагоны знаменитых пулмановских поездов. Джордж Пулман называл такие вагоны гостиницей на колесах. – Прим. науч. ред.] в одном из ночных междугородних поездов. Это был уважаемый, хотя и низкооплачиваемый труд, которым занимались исключительно черные мужчины. Портье должны были содержать свою одежду в идеальной чистоте, пока они таскают багаж, подают еду и выполняют любые просьбы пассажиров, в том числе чистят ботинки.

Даже спустя годы после выхода на пенсию Терри не смог сбросить с себя ярмо глухой официальности и так и остался безукоризненно одетым, отстраненно-подобострастным и не говорящим о себе работником железной дороги. Было ощущение, что он отказался от части себя, чтобы хоть как-то продолжать справляться с жизнью. Я помню, как Терри стоял летом, в ужасную жару, на нашей лужайке в наглухо зашнурованных ботинках, брюках на подтяжках, рубашке с аккуратно подвернутыми рукавами и тонкой фетровой шляпе.

Он приучил себя выкуривать только одну сигарету в день и выпивать только один коктейль в месяц. Но даже тогда не мог расслабиться так, как мои родители, когда позволяли себе немного виски или ликера. Какая-то часть меня всегда хотела разговорить Терри, заставить высказать все, что было у него на душе. Я представляла, сколько интересных историй о разных городах и богатых чудаках скопилось в его памяти за годы службы. Но по какой-то причине он всегда молчал.

Когда мне исполнилось четыре, я решила научиться играть на пианино. Крейг, первоклассник, уже какое-то время спускался вниз на еженедельные занятия с тетей Робби и каждый раз возвращался целым и невредимым. Я поняла, что тоже готова. Более того, я была уверена, что уже умею играть. Знания, думала я, просто не могли не просочиться в меня от многочисленных учеников, часами продирающихся сквозь одни и те же пьесы. Музыка была у меня в голове, оставалось только спуститься вниз и продемонстрировать своей строгой тете, какое я сокровище. Я собиралась стать ее лучшей ученицей и настоящей звездой, не пошевелив для этого и пальцем.

Пианино Робби стояло в маленькой квадратной комнате, возле окна, выходящего на задний двор. В одном углу тетя держала цветочные горшки, другой занимал

письменный стол, за которым ученики заполняли нотные тетради. Во время занятий Робби сидела с прямой спиной, отбивала ритм одним пальцем и, слегка склонив голову, прислушивалась к игре, ловя малейшие признаки фальши.

Не то чтобы я ее боялась. Но в тете была некая отпугивающая властность, с которой мне тогда еще не приходилось сталкиваться. Робби требовала совершенства от каждого ребенка, садившегося за ее пианино. Мне казалось, будто я должна каким-то образом ее победить, доказать, что тоже чего-то стою.

Когда я впервые села за инструмент, мои короткие ножки свесились со стула, не достав до пола. Робби вручила мне нотную тетрадь и показала, как правильно ставить руки.

– Будь внимательнее, – начала она выговаривать мне еще до того, как мы начали. – Найди ноту до первой октавы.

В детстве пианино выглядит так, словно на нем тысяча клавиш. Ты с ужасом смотришь на это изобилие черного и белого, оно простирается дальше, чем твои маленькие ручки могут дотянуться. Как я вскоре выяснила, до первой октавы – это что-то вроде точки отсчета, разграничительной линии между клавишами для левой и правой руки, басовым и скрипичным ключом. Как только ты находишь эту до, все сразу встает на свои места.

Клавиши на пианино тети Робби были разного цвета и формы, со сколами и трещинами, они напоминали ряд плохих зубов. На до первой октавы отсутствовал целый уголок размером с мой ноготь, так что я легко ее находила.

Оказалось, мне очень нравится заниматься музыкой. Сидеть за пианино было естественно, будто мы были созданы друг для друга. Моя семья всегда славилась большим количеством музыкантов и меломанов, особенно по маминой линии. Мой дядя играл в профессиональной группе, тети пели в церковном хоре, а Робби даже создала что-то вроде «Опереточного кружка» – бесплатный детский музыкальный театр в подвале церкви, куда мы с Крейгом ходили по воскресеньям.

Главным же меломаном семьи всегда оставался дедушка Шилдс, плотник и младший брат Робби: беззаботный мужчина с круглым животиком, заразительным смехом и черной, с проседью, бородой. Когда я была маленькой,

он жил на западе города, и мы с Крейгом называли его Вестсайдом[24 - Вестсайд (англ. Westside) – западная сторона города. Саутсайд (англ. Southside) – южная.]. Но в год, когда я начала брать уроки игры на пианино, дедушка поселился по соседству и тут же, как и полагается, был окрещен Саутсайдом.

Дед развелся с бабушкой, когда мама была еще подростком, и теперь жил с моей тетей Кэролин, маминой старшей сестрой, и дядей Стивом, ее младшим братом, всего в двух кварталах от нас. Свой одноэтажный дом Саутсайд обвил проводами от пола до потолка, провел колонки в каждую комнату, включая ванную. Центр управления этой стереосистемой, купленной в основном на гаражных распродажах, располагался в столовой. У дедушки были две не подходящие друг к другу вертушки, старый катушечный магнитофон и целые полки, где хранилась обширная коллекция любимых записей.

Саутсайд был конспирологом[25 - Конспиролог – приверженец теории заговора, то есть концепции, объявляющей отдельные общественно значимые события или даже ход истории в целом результатом заговора со стороны некой группы людей.]. Он не доверял стоматологам, поэтому к старости растерял почти все зубы. Не доверял полицейским и белым. Его дедушка был рабом из Джорджии, а сам Саутсайд, прежде чем переехать в Чикаго в 1920-х, жил в Алабаме, подчиняясь законам Джима Кроу[26 - Законы Джима Кроу (англ. Jim Crow laws) – неофициальное название законов о расовой сегрегации в южных штатах США в период 1890–1964 годов.]. Став отцом, он запугал своих детей реальными и воображаемыми историями о том, что случается с черными малышами, которые попадают в неправильный район или лапы полиции. Ему казалось, так они будут в безопасности. Музыка, похоже, была единственным антидотом для всех его тревог, так что в день зарплаты он частенько позволял себе раскошелиться на новый альбом.

В доме Саутсайда мы праздновали почти все значимые события, из года в год распаковывая рождественские подарки под Эллу Фицджеральд[27 - Элла Фицджеральд (англ. Ella Fitzgerald) – одна из величайших вокалисток в истории американского джаза.] и задувая именинные свечи под Колтрейна[28 - Джон Колтрейн (англ. John Coltrane) – американский джазовый саксофонист и композитор, знаменитый импровизатор.]. Мама рассказывала, что еще в молодости дедушка задался целью накачать своих семерых детей джазом под завязку, поэтому просыпались они на рассвете исключительно под звуки джазовых пластинок.

Никто не мог устоять перед его любовью к музыке. Как только Саутсайд переехал, я стала торчать в его доме целыми днями, вытаскивая с полок альбом за альбомом и погружаясь в незнакомые миры. Я была совсем маленькой, но дедушка не ограничивал меня и даже выделил личную полку для любимых пластинок, куда я вскоре положу подаренный им альбом Стиви Уандера[29 - Стиви Уандер (англ. Stevie Wonder) – американский соул-певец, музыкант-мультиинструменталист и композитор, страдающий слепотой. Основоположник современного соула и R’n’B.] Talking Book.

Если я хотела есть, он делал молочный коктейль или запекал целую курицу, пока мы наслаждались Аретой[30 - Арета Франклин (англ. Aretha Franklin) – американская певица, общепризнанная королева соула.], Майлсом[31 - Майлс Дэвис (англ. Miles Davis) – трубач и лидер джаз-бэндов, основоположник фьюжна и кул-джаза.] и Билли[32 - Билли Холидей (англ. Billie Holiday) – американская певица, значительно повлиявшая на развитие джазового вокала.]. Саутсайд был для меня огромным, как рай. А рай, каким я его представляла, – это место, где играют джаз.

Тем временем дома я продолжала трудиться над собственной музыкальной карьерой. Сидя за пианино Робби, я быстро поднимала ставки – музыка, видно, и правда проникла в меня посредством осмоса[33 - Осмос – процесс односторонней диффузии молекул через полупроницаемую мембрану.] – и с воодушевлением выполняла все новые и новые задания по чтению с листа. У нас не было своего пианино, поэтому мне приходилось практиковаться на первом этаже в перерывах между чужими уроками. Мама по моей просьбе часто сидела рядом в кресле.

Я разучила одну пьесу, потом другую. Может, я и не была умнее других учеников, но точно оказалась упорнее. Вся магия для меня заключалась в самом процессе обучения: я быстро заметила простую, но вдохновляющую корреляцию между часами практики и своими успехами. Если я добиралась до конца пьесы без ошибок, даже в Робби ощущалось какое-то необычное чувство – хотя и слишком глубоко спрятанное, чтобы сойти за настоящее удовольствие. Зажимая левой рукой аккорд, а правой наигрывая мелодию, я видела уголком глаза, как губы тети чуть расправляются в улыбке, а отбивающий ритм палец начинает слегка подскакивать.

Наш медовый месяц продлился недолго. Будь я чуть менее любопытной и чуть больше уважай ее методы, все, возможно, шло бы своим чередом. Но учебник с пьесами был достаточно объемным, а мой прогресс достаточно медленным, чтобы терпение лопнуло – и я стала продвигаться в глубь книги, разбирая все более и более сложные пьесы.

Когда я с гордостью продемонстрировала свои успехи во время урока, Робби взорвалась и отшила меня сердитым «Доброй ночи!». Я услышала от нее то, что она не раз говорила своим нерадивым ученикам. Я просто попыталась учиться усерднее и быстрее, но для Робби это оказалось сродни государственной измене. Я стала одной из грешниц.

В детстве мне было просто необходимо получать на все свои вопросы аргументированные ответы. Я росла дотошным ребенком с диктаторскими замашками, как утверждает мой брат, которого часто выгоняли из общей зоны для игр. Когда мне казалось, будто у меня появилась отличная идея, я точно не была готова получить отказ. Вот поэтому мы с тетей и закончили этот разговор именно так: разгоряченными и непримиримыми.

– Как можно злиться на меня за то, что я выучила новую пьесу?

– Ты к ней еще не готова. Так ты играть не научишься.

– Но я готова, я ее только что сыграла!

– Нет, так не пойдет.

– Но почему?

Из-за нежелания Робби смириться с вольнодумством и моего отказа подчиниться ее методам уроки музыки стали ужасно изнурительными для нас обеих. Мы делали шаг вперед и два назад, неделя за неделей. Я упрямилась, она тоже. Каждый стоял на своем. В перерывах между пререканиями я продолжала играть, она продолжала слушать, иногда вносила коррективы. Я придавала мало значения ее помощи, она – моим успехам, но уроки продолжались.

Мои родители и Крейг находили все это ужасно смешным. Когда я рассказывала об очередной схватке с Робби за ужином, гневно расправляясь со спагетти с тефтельками, эти трое буквально лопались от смеха.

У Крейга никогда не возникало конфликтов с Робби: он был прилежным учеником, методично продвигающимся по учебнику в нужном темпе. Родители же решили не принимать в этом споре ни одну из сторон. Они вообще предпочитали держаться подальше от нашей учебы, считая, что мы с братом должны сами справляться со своими проблемами. Свою задачу они видели в том, чтобы прислушиваться к нам и оказывать моральную поддержку в стенах дома.

В то время как другие родители отругали бы ребенка за дерзость старшим, мои не вмешивались. Мама жила с Робби с шестнадцати лет и уже привыкла подчиняться всем ее загадочным правилам, так что, возможно, моя непокорность авторитету тети стала для нее отдушиной. Сейчас я думаю, родители даже гордились моей отвагой, и благодаря им огонь в моей груди до сих пор продолжает гореть.

Раз в году Робби устраивала для учеников выступление перед аудиторией. Не знаю, как она это провернула, но у нее был доступ к репетиционному залу Университета Рузвельта[34 - Университет Рузвельта (англ. Roosevelt University) – частный университет с кампусами в Чикаго, Иллинойс, и Шаумбург, Иллинойс. Основанный в 1945 году, университет назван в честь бывшего президента Франклина Делано Рузвельта и первой леди Элеоноры Рузвельт.] в центре города. Так что концерты проходили в огромном здании на Мичиган-авеню, прямо по соседству с местом, где играл Чикагский симфонический оркестр.

Одна мысль об этом концерте заставляла меня нервничать. Наша квартира на Эвклид-авеню была за девять миль[35 - 9 миль = 14,48 км.] от центра города, поэтому его сверкающие небоскребы и переполненные тротуары выглядели для меня как другая планета. Мы с семьей крайне редко выбирались туда на выставки в Институт искусств или в театр, путешествуя вчетвером в капсуле отцовского «Бьюика», как космонавты.

Папа использовал любой предлог, чтобы лишний раз прокатиться на машине. Он был предан своему двухдверному «Бьюику Электра-225», который любовно называл «Двойкой с четвертью», и всегда держал его чистым и навощенным.

График технического обслуживания вызывал в папе религиозный трепет, он катался в «Сирс»[36 - «Сирс» (англ. Sears) – американская компания, управляющая несколькими международными сетями розничной торговли.] на замену шин и масла так же часто, как мама водила нас к педиатру.

Мы тоже любили «Двойку с четвертью», чьи плавные линии и узкие фары придавали ей крутой футуристический вид. В салоне было довольно много места, и даже я могла вставать практически в полный рост, трогая руками тканевый потолок. Тогда ремни безопасности на заднем сиденье еще не были обязательными, так что бо?льшую часть времени мы с Крейгом просто ползали туда-сюда и прислонялись к передним креслам, когда хотели поболтать с родителями. Иногда я пристраивала свой подбородок на подголовник отца, чтобы у нас был одинаковый вид на дорогу.

В машине наша семья всегда чувствовала совершенно новую степень близости, и временами после ужина мы с братом умоляли отца покататься просто так. Летними вечерами мы вчетвером отправлялись в кинотеатр под открытым небом на юго-западе, чтобы посмотреть очередную часть «Планеты обезьян». Парковали «Бьюик» в сумерках и готовились к шоу. Мама доставала жареную курицу и картофельные чипсы, и мы с Крейгом с удовольствием ели на заднем сиденье, стараясь вытирать руки салфетками и не использовать для этих целей обивку.

Только годы спустя я поняла, чем машина была для папы на самом деле. Ребенком я могла лишь догадываться, какую свободу он чувствует за рулем, какое удовольствие ему доставляет шум мотора и гармоничный шорох шин.

Ему было чуть за тридцать, когда доктор сообщил, что странная слабость в ноге – только начало долгого и болезненного пути к полной обездвиженности. Однажды из-за необъяснимой проницаемости нейронов в его спинном и головном мозге он обнаружит, что вообще не может ходить. У меня нет точных дат, но, кажется, «Бьюик» появился в жизни отца одновременно с рассеянным склерозом. Машина стала для него настоящей отдушиной, хотя он никогда этого и не говорил.

Мои родители не зацикливались на диагнозе. Пройдут десятилетия, прежде чем простой поиск в гугле начнет выдавать головокружительное количество диаграмм, статистики и медицинских заключений, дарующих и отнимающих последнюю надежду, – хотя я сомневаюсь, что отец хотел бы их видеть. Он рос в

религиозной семье, но никогда не молил Господа об избавлении и также не стал бы искать альтернативные методы лечения, гуру или «неправильные» гены, которые можно было бы обвинить в болезни. В нашей семье давно выработалась практика блокировки плохих новостей: мы пытались стереть их из памяти чуть ли не в момент получения.

Никто не знал, сколько времени отец терпел боль, прежде чем пойти к доктору. Думаю, месяцы или годы. Ему не нравилось ходить по врачам, и он не любил жаловаться. Папа был человеком, который просто принимал все происходящее с ним как данность и продолжал двигаться вперед.

Ко дню моего музыкального дебюта он уже начал прихрамывать: левая нога не поспевала за правой. Все мои воспоминания об отце связаны с тем или иным проявлением его инвалидности, хотя никто из нас тогда еще не был готов так это называть. Я понимала только, что мой папа двигается немного медленнее, чем все остальные папы. Иногда я видела, как он останавливается перед лестничным пролетом, как будто обдумывая маневр. Когда мы ходили в магазин, отец чаще всего оставался на скамейке под предлогом, что кому-то нужно присмотреть за сумками.

Сидя в «Бьюике» в красивом платье и лакированных туфлях, с волосами, убранными в хвостики, я впервые в жизни испытала липкое чувство паники. Я ужасно боялась выступать, даже несмотря на то, что безустанно практиковалась под надзором Робби. Крейг ехал рядом, готовый исполнить собственную пьесу, и совершенно не волновался. Более того, он спал, в блаженстве разинув рот. В этом весь Крейг. Я всю жизнь восхищаюсь его легкостью. К тому времени он уже играл в детской баскетбольной лиге и, видимо, натренировал нервы.

Отец всегда парковался как можно ближе к месту назначения, чтобы не приходилось слишком далеко идти на неверных ногах. Мы быстро нашли Университет Рузвельта и вошли в его огромный холл. Каждый наш шаг отдавался эхом, и я чувствовала себя настоящей крохой.

Огромные, от пола до потолка, окна концертного зала выходили на лужайки Грант-парка и белые шапки волн озера Мичиган. Стройные ряды стальных серых стульев медленно заполнялись напуганными детьми и их скучающими родителями. Впереди, на высокой сцене, стояли два детских рояля – я видела их впервые в жизни. Огромные деревянные крышки инструментов торчали вверх, будто крылья черных птиц.

Робби расхаживала между стульями в васильковом платье, как первая красавица бала, и проверяла, все ли ее ученики на месте и захватили ли они ноты. Когда пришло время начинать, она шикнула на зал, призывая к тишине.

Я не помню, кто и в каком порядке играл в тот день. Знаю только, что, когда пришла моя очередь, я встала со своего места, прошла лучшей походкой к сцене, взобралась по лестнице и заняла место у одного из роялей. Я была готова. Несмотря на то что я считала Робби грубой и негибкой, я не могла не перенять ее требовательности к качеству исполнения. Я знала пьесу так хорошо, что уже практически не думала о ней во время репетиций, просто двигая руками.

Проблема обнаружилась в ту же секунду, как я подняла маленькие пальчики к клавишам. Я сидела за превосходным инструментом, поверхность которого была тщательно очищена от пыли, а струны – идеально натянуты. Его восемьдесят восемь клавиш простирались вправо и влево безупречной черно-белой лентой.

Вот только я не привыкла к безупречности. Весь мой опыт игры происходил из музыкальной комнатки тети Робби, с грязным цветочным горшком и скромным видом на задний двор. Единственный инструмент, который я когда-либо знала, это ее более чем несовершенное пианино с пестрым рядом желтых клавиш, навеки изуродованных до первой октавы. Именно так для меня и должен был выглядеть рояль: точно так же, как мой район, мой отец и моя жизнь.

Я сидела под взорами десятков людей, уставившись на клавиши – все они были идеальной копией друг друга. Я понятия не имела, куда ставить руки. Подняв глаза на аудиторию и надеясь, что никто не замечает моей паники, я попыталась отыскать поддержку в лице матери. Но вместо этого заметила, как с первого ряда ко мне подлетела другая знакомая фигура. Робби.

Наши отношения к тому моменту уже сильно разладились, но в минуту моего заслуженного наказания Робби появилась рядом почти как ангел. Может быть, она поняла, что я впервые в жизни шокирована социальным неравенством и мне нужна помощь. А может быть, она просто захотела меня поторопить.

В любом случае, не произнеся ни слова, тетя мягко положила палец на до первой октавы и, одарив мимолетной улыбкой, ушла, оставив меня один на один с пьесой.

2

Я пошла в детский сад при начальной школе Брин Мор[37 - Начальная школа Брин Мор (англ. Bryn Mawr Elementary School) – школа в южной части Чикаго, сегодня переименованная в Bouchet Elementary Math & Science Academy.] осенью 1969 года и сразу начала хвастаться своим умением читать и братом-второклассником, которого все просто обожали. Школа представляла собой четырехэтажное кирпичное здание с детской площадкой и находилась всего в паре кварталов от нашего дома на Эвклид-авеню. Добраться туда можно было за две минуты пешком или, если вы Крейг, за одну минуту бегом.

Мне там нравилось, и я быстро завела друзей, так же влюбленных в школу, как я. У нас была хорошая учительница, миссис Берроуз, миниатюрная белая женщина лет пятидесяти, которая казалась мне древней старушкой. Большие окна выходили на солнечную сторону, в классе были коллекция пупсов и гигантский картонный кукольный домик у задней стены.

Я умела читать. Все книги про Дика и Джейн[38 - Дик и Джейн (англ. Dick and Jane) – главные герои популярных книг С. Грея и Зерны Шарп, которые использовались для обучения детей чтению в США с 1930-х по 1960-е годы.], которые появлялись дома благодаря библиотечной карточке моей мамы, я зачитывала дыр. Так что, когда нашим первым заданием оказалось чтение по карточкам, я, конечно же, была в восторге. Мы принялись изучать слова, обозначающие цвет: «красный», «синий», «зеленый», «черный», «оранжевый», «фиолетовый», «белый». Миссис Берроуз опрашивала нас по одному, держа в руках стопку больших карточек из манильской бумаги[39 - Манильская бумага – сорт сверхпрочной бумаги, в состав сырья которой входит манильская пенька.]. Демонстрируя одну за другой, она просила нас читать слова, напечатанные черными буквами.

Я смотрела, как едва знакомые мальчики и девочки сражались с этими карточками, то побеждая, то проигрывая, и покорно садились на место, когда начинали запинаться. Это должно было быть чем-то вроде фонетической игры, но, как и Spelling bee[40 - Spelling bee (англ. spell – произносить по буквам + bee (истор.) – конкурс) – конкурс произношения слов по буквам.], быстро превратилось в соревнование. Дети, которые не могли продвинуться дальше «красного», испытывали настоящее унижение.

Речь, конечно, идет о школе на Южной стороне Чикаго в 1969-м, где никто еще не думал о детской самооценке и формировании мировоззрения. Если у тебя была фора в виде домашнего образования, значит, в школе ты слыл «одаренным» и «умным», что только укрепляло твою самоуверенность и усугубляло разрыв между тобой и всеми остальными. Самыми способными детьми в моем классе на протяжении многих лет оставались Тедди, корейско-американский мальчик, и Киака, афроамериканская девочка. Я всегда стремилась быть с ними наравне.

Когда пришла моя очередь читать по карточкам, я встала и без усилий распознала «красный», «зеленый» и «синий». «Фиолетовый» занял секунду, «оранжевый» тоже оказался крепким орешком. Но когда появился Б-Е-Л-Ы-Й, у меня в горле будто пересохло. Губы искривились, неспособные сформировать ни звука, а в мозгу замелькали десятки слов, но я не могла выдернуть из них что-нибудь, хотя бы отдаленно напоминающее «беее-ыыыы». Я чуть не задохнулась, а в коленках появилась странная легкость, будто они могли отстегнуться и улететь. Но, прежде чем это случилось, миссис Берроуз приказала мне сесть на место. Вот тогда-то ко мне и пришло наконец нужное слово во всем его полном и простом совершенстве. Белый. Бе-е-елы-ы-ый. Это слово «белый».

Той ночью, лежа в постели с плюшевыми зверюшками возле головы, я думала только о «белом». Я произносила его мысленно на разные лады и ругала себя за глупость. Стыд навалился на меня всем весом, и казалось, я уже никогда не смогу стряхнуть его с себя. Моим родителям было все равно, правильно ли я читаю слова на карточках, но мне не терпелось преуспеть. А может, я просто не хотела прослыть неудачницей. Я думала, что учительница уже пометила меня как одну из тех, кто не умеет читать или, еще хуже, вообще не старается.

Я была одержима золотыми звездочками размером с цент, которыми миссис Берроуз наградила Тедди и Киаку в тот день. Этот знак победы и, возможно, знак величия выделял их из общей толпы. Только они смогли прочитать все карточки без запинок.

На следующее утро в классе я попросила дать мне второй шанс. Когда миссис Берроуз отказала, радостно добавив, что сегодня у нас, детсадовцев, есть занятие поинтереснее, – я потребовала. Бедным детям пришлось смотреть, как я сражаюсь лицом к лицу с карточками цветов во второй раз, теперь намного медленнее, делая паузы между словами и успевая глубоко дышать, чтобы держать нервы под контролем. И это сработало! С «черным», «оранжевым»,

«пурпурным» и особенно «белым». Я выкрикнула «белый» чуть не до того, как увидела буквы на карточке.

Мне нравится думать, будто миссис Берроуз была впечатлена маленькой чернокожей девочкой, которой хватило смелости постоять за себя. Хотя и не знаю, заметили это Тедди и Киака или нет. Домой я возвращалась уже с высоко поднятой головой и золотой звездочкой на блузке.

Дома я жила в мире высокой драмы и интриг, устраивая кукольную мыльную оперу. Я разыгрывала рождения и смерти, вражду и предательства, надежду и ненависть, а иногда даже секс. Почти все время между школой и ужином я предпочитала проводить в общей игровой зоне нашей с братом комнаты. Я раскидывала Барби по полу и создавала сценарии, которые казались мне реальнее самой жизни. Иногда в дело вступали даже «солдаты Джо»[41 - Джо-солдат (англ. J. I. Goe) – линия игрушечных фигурок солдатиков производства компании Hasbro. На основе этой линии игрушек были созданы многочисленные комиксы и фильмы, в том числе «Бросок кобры» 2009 года.] Крейга. Все наряды для Барби я держала в маленьком виниловом чемоданчике с цветочками. У всех Барби, солдатиков Джо и даже старых кубиков с буквами, по которым мама учила нас алфавиту, были личности и личная жизнь.

Я редко присоединялась к играм соседских детей и еще реже приглашала их к себе домой. Отчасти потому, что была большой привередой и терпеть не могла, когда кто-то прикасался к моим куклам. Видела я Барби чужих девочек – как будто из фильмов ужасов. Обрезанные под корень волосы, лица, раскрашенные маркерами. К тому же в школе я поняла, что отношения между детьми могут быть полным кошмаром. Независимо от того, насколько пасторальные сцены вы наблюдали на игровых площадках, за ними всегда крылась тирания строгой иерархии: любые компании делились на королев, хулиганов и почитателей. Я, конечно, не из робкого десятка, но дома мне хаос ни к чему.

Вместо этого я предпочитала вдыхать жизнь в маленькую игрушечную вселенную. Если Крейг осмеливался сдвинуть с места хоть один кубик, я поднимала шум, а иной раз могла зарядить ему кулаком по спине. Куклы и кубики нуждались во мне, и я послушно даровала им один личностный кризис за другим. Как любое нормальное божество, я считала, что персональный рост и развитие возможны только через страдание.

А тем временем за окном спальни шла реальная жизнь на Эвклид-авеню. Мистер Томпсон, высокий афроамериканец, владелец трехквартирного здания по ту сторону улицы, после обеда загружал в «Кадиллак» свою большую бас-гитару, готовясь к концерту в джаз-клубе. Мексиканская семья Мендозас, живущая по соседству, приезжала домой на пикапе с кучей стремянок после долгого рабочего дня, занятого покраской домов. У забора их встречал счастливый лай собак.

Наш район принадлежал среднему классу самых разных рас. Мы не выбирали друзей, исходя из цвета кожи, важнее, кто сейчас гуляет и готов поиграть. В числе моих друзей была Рейчел, чья мама – белая, с британским акцентом; рыжая кудрявая Сьюзи; и внучка Мендозасов, когда она к ним приезжала. Команда пестрых фамилий – Кэнсопэнт, Абуасеф, Робинсон, – мы были слишком маленькими, чтобы замечать, насколько быстро меняется мир вокруг нас. В 1950-х, за 15 лет до того, как мои родители переехали на юг города, этот район был белым на 96 %. К тому времени как я соберусь уезжать из него в колледж в 1981-м, он будет на 96 % черным.

Мы с Крейгом росли на перекрестке разных культур. В нашем квартале жили еврейские семьи, семьи иммигрантов, белые и черные семьи. Кто-то процветал, а кто-то нет, но все они подстригали лужайки, проводили время с семьей и выписывали чеки Робби, чтобы она учила их детей играть на пианино.

Моя семья скорее принадлежала к бедной части квартала: мы одни из немногих не владели своим жильем. Южный берег тогда еще не окончательно склонился к той модели, по которой уже жили все соседние районы, – когда более обеспеченные люди уезжали за город в поисках лучшей жизни, местный бизнес банкротился и балом начинала править нищета, – но крен уже становился ощутимым.

Сильнее всего изменения чувствовались в школе. Мой второй класс превратился в хаос из неуправляемых детей и летающих ластиков, что я не могла считать нормой. Как мне кажется, виной тому была первая учительница, которая не только не знала, как контролировать нас, но и не любила детей вовсе. Не знаю, интересовала ли руководство школы ее компетентность. Мои одноклассники вовсю пользовались положением, а миссис Берроуз продолжала быть о нас самого худшего мнения. В ее глазах мы стали классом «проблемных детей», хотя она даже и не пыталась приучать нас к порядку. Все, что с нами делали, – это приговаривали к отсидке в унылой, малоосвещенной комнате на первом этаже

школы, где каждый час длился адски долго. Я в отчаянии сидела за партой на тошнотворно-зеленом стуле – тошнотворно-зеленый был официальным цветом 1970-х, – ничему не училась и ждала, когда наступит время ланча и можно будет пойти домой, съесть сэндвич и пожаловаться.

В детстве, если меня что-то расстраивало, я изливала душу маме. Она спокойно выслушивала все мои жалобы на учительницу и время от времени вставляла что-нибудь вроде «о боже» или «да ты что?». Мама не потакала моей вспыльчивости, но все мои проблемы она воспринимала всерьез. Кто-нибудь другой мог бы отделаться фразой вроде «Просто делай все, что от тебя требуется». Но мама видела разницу между нытьем и настоящим страданием.

Не говоря мне ни слова, мама отправилась в школу и начала процесс закулисного лоббирования – в конце концов меня и еще парочку детей с хорошими оценками выманили за дверь, протестировали и где-то через неделю перевели в одаренный третий класс этажом выше, который вела улыбчивая и умная учительница, отлично знающая свое дело.

Это был маленький, но судьбоносный шаг вперед. Раньше я не спрашивала себя, что произошло с детьми, которые остались с учительницей, не умеющей учить. Теперь, уже взрослой, я знаю, что они с ранних лет поняли, каково это – обесценивание и безразличие. Их гнев назвали «неуправляемостью», а их – «проблемными», хотя они просто пытались справиться с трудными условиями.

В тот момент я радовалась, что мне удалось сбежать. Много лет спустя я узнала: мой брат, от природы тихий и ироничный, но при этом очень прямой человек, однажды разыскал нашу бывшую учительницу и вежливо намекнул, что ей стоит оставить свой пост и устроиться кассиршей в аптеку.

Через некоторое время мама начала подталкивать меня к внеклассным занятиям, чтобы я взяла пример с брата и стала больше общаться с другими детьми. Как я уже говорила, у Крейга был талант делать вид, будто сложные вещи даются ему с полпинка. Жизнерадостный, гибкий и быстро растущий, брат уже успел стать подающей надежды звездой местной баскетбольной команды, и отец советовал ему соревноваться только с самыми сильными соперниками. Скоро он отправит Крейга одного через весь город на игру с лучшими баскетболистами Чикаго, а пока – только подначивал оспаривать главные

спортивные авторитеты района.

Крейг брал мяч и шел с ним через дорогу в парк Розенблюм, мимо шведских стенок и моих любимых качелей, а потом исчезал в чаще на той стороне, где была баскетбольная площадка. Мне казалось, там его поглощает мистическая бездна пьяниц, хулиганов и криминальных авторитетов, но Крейг всегда возражал, что ничего подобного там не происходит.

Баскетбол открывал ему все двери в мир. Он научил брата заводить разговор с незнакомцами, когда хочется забить местечко в игре, подражать дружелюбной манере резкой, жаргонной речи соперников, которые были больше и быстрее его. Это избавляло от стереотипов о поведении подростков и в чем-то подтверждало кредо моего отца: большинство людей не столь уж плохи, если хорошо к ним относиться. Даже мутные ребята, которые тусовались за углом алкогольного магазина, улыбались, заметив идущего со мной Крейга, окликали его по имени и просили дать пять.

– Откуда ты их знаешь? – спрашивала я с подозрением.

– Не знаю. Они просто знают меня, – отвечал он, пожимая плечами.

Мне было десять, когда я наконец начала выходить на улицу: решение, в основном продиктованное скукой. На дворе стояло лето, школа не работала. Мы с Крейгом каждый день ездили на автобусе к озеру Мичиган в городской лагерь на берегу, но возвращались домой уже к четырем, имея в запасе еще несколько дневных часов, которые требовалось чем-то заполнить. Куклы перестали меня занимать, да и находиться дома без кондиционера было практически невозможно, так что я стала гулять с Крейгом по всему району и знакомиться с ребятами, которых раньше не встречала в школе.

Через дорогу от нашего дома стоял маленький жилой комплекс под названием «Эвклид-Парквей» с пятнадцатью домами, построенными вокруг общей зеленой зоны. Мне это место казалось раем, свободным от машин и полным детей, играющих в софтбол, прыгающих в «часики» или просто сидящих на ступеньках.

Но, прежде чем получить свободный вход в круг девочек моего возраста, гуляющих по «Парквей», мне пришлось пройти тест в виде ДиДи, ученицы местной католической школы. Атлетичная красавица ДиДи постоянно дулась и

закатывала глаза. Она часто сидела на крыльце своего дома рядом с более популярной девочкой по имени Денин.

Денин была очень приветливой, но вот ДиДи я почему-то не нравилась. Стоило мне подойти к «Эвклид-Парквей», она начинала едва слышно отпускать в мой адрес едкие комментарии, будто я портила всем настроение уже одним своим появлением.

С каждым днем замечания ДиДи становились все громче, а мои моральные силы иссякали. Я могла продолжать строить из себя новенькую – жертву задир, могла вообще больше не подходить к «Парквей» и просто вернуться домой к своим игрушкам, а могла заслужить уважение ДиДи. У последнего пункта был вариант: поругаться с ДиДи, победить ее в словесной дуэли или любой другой форме детской дипломатии или просто заткнуть.

Однажды, когда ДиДи в очередной раз что-то сказала, я набросилась на нее, вспомнив все папины уроки рукопашного боя. Мы катались по земле, трясли кулаками и молотили воздух ногами, и вокруг тут же образовался тесный кружок детей с «Эвклид-Парквей», восторженно гудящих от жажды крови. Я не помню, кто нас разнимал: Денин, мой брат или, может быть, один из родителей, но, когда все закончилось, в «Парквей» воцарилась благоговейная тишина. Меня официально приняли в племя района. Мы с ДиДи остались невредимыми, только измазанными в грязи. Нам не суждено было стать близкими подругами, но, по крайней мере, я заслужила ее уважение.

«Бьюик» моего отца продолжал быть нашим надежным пристанищем и окном в мир. Мы выезжали летними вечерами по воскресеньям без причины – просто потому, что могли. Иногда мы останавливались в южном районе, который звался «Пилюлькиным Холмом», очевидно из-за большого количества афроамериканских докторов среди жителей. Это был один из самых красивых и процветающих уголков Саутсайда, где на подъездных дорожках к домам стояло по две машины, а обочины тротуаров благоухали цветами.

Папа всегда относился к богачам с тенью подозрения. Ему не нравились высокомерные люди, и он испытывал смешанные чувства в отношении домовладельцев в целом. Когда-то они с мамой хотели купить дом недалеко от Робби и целый день разъезжали по району вместе с настоящим агентом по

недвижимости – но в итоге решили отказаться от этой затеи. Я полностью была за переезд. Мне казалось, если моя семья будет занимать все два этажа дома, то это будет иметь значение. Но отец, всегда осторожный и умеющий торговаться, понимал важность сбережений на черный день. «Мы же не хотим быть ипотечниками», – говорил он, объясняя, как некоторые люди попадают в ловушку кредита, когда тратят больше, чем могут себе позволить, – и заканчивают с милым домиком, но без единого шанса на свободу от долгов.

Родители вообще всегда говорили с нами на равных. Они не читали нотаций, но поощряли задавать вопросы, неважно, насколько наивные. Мама и папа никогда не прекращали обсуждение в угоду приличиям или удобству, и мы с Крейгом, не упускавшие возможности попытать родителей о чем-то, чего не понимаем, могли продолжать допрос часами. Мы спрашивали: «Почему людям нужно ходить в туалет?» Или: «Зачем вам работать?» И так далее, вопрос за вопросом.

Одна из моих ранних сократических побед выросла из вопроса, заданного в весьма корыстных целях: «Зачем нам есть яйца на завтрак?» Мама начала говорить о пользе протеина, что привело к вопросу о том, почему арахисовое масло не засчитывается за протеин, а через какое-то время – к пересмотру меню в целом. Следующие девять лет я, зная, что заслужила это, делала себе на завтрак огромный толстый сэндвич с вареньем и арахисовым маслом и не съела ни одного вареного яйца.

С возрастом мы стали больше говорить о наркотиках, сексе, жизненных выборах, расе, неравенстве и политике. Мои родители не ожидали от нас святости. Я помню, отец говорил, что секс может и должен быть приятным. Они также никогда не подслащали горькую правду жизни. Например, однажды Крейг получил новый велосипед и поехал на нем к озеру Мичиган по Рейнбоу-Бич[42 - Рейнбоу-Бич (англ. Rainbow Beach) – парк, разбитый рядом с побережьем озера Мичиган в Чикаго.], куда долетали брызги воды. Там его остановил и обвинил в краже полицейский, который даже подумать не мог, что молодому черному парню честным путем мог достаться новый велосипед. (Будучи сам при этом афроамериканцем, офицер в конце концов получил от моей мамы взбучку и извинился.) Родители объяснили нам, что это несправедливо, но встречается на каждом шагу. Цвет кожи делал нас уязвимыми, и мы постоянно были начеку.

Папина привычка возить нас на «Пилюлькин Холм», думаю, позволяла получить вдохновение, а также была шансом продемонстрировать нам плоды высшего образования. Мои родители почти всю жизнь провели на паре квадратных миль в

Чикаго, но никогда не заблуждались на наш с Крейгом счет. Они знали: мы будем жить по-другому.

До брака мама и папа посещали местные колледжи, но прервали занятия задолго до получения диплома. Мама училась в педагогическом, но потом решила, что лучше будет работать секретаршей. У отца же в какой-то момент просто кончились деньги на обучение, и он пошел в армию. В его семье некому было уговаривать его продолжить учебу и некому было показать на своем примере, как могла бы сложиться его жизнь после получения образования. Поэтому он провел два года, перемещаясь между разными военными базами. Если окончание колледжа и карьера художника когда-то и были мечтой моего отца, то вскоре приоритеты изменились, и он начал перечислять деньги на учебу младшего брата в архитектурном вузе.

Теперь, в возрасте чуть за тридцать, отец полностью сфокусировался на том, чтобы откладывать средства для детей. Мы не собирались покупать дом – и не стали бы ипотечниками, едва сводящими концы с концами. Отец всегда был очень практичен – из-за ограничений в ресурсах и, наверное, времени. Теперь если он не сидел за рулем, то передвигался с помощью трости. Прежде чем я закончу начальную школу, трость превратится в костыль, а вскоре после этого – в два костыля. Что бы ни глодало моего отца изнутри, разрушая его мышцы и нервные клетки, для него это было личным испытанием, которое он преодолевал молча.

Наша семья любила скромные радости. Когда мы с Крейгом получали табели успеваемости, родители заказывали пиццу в «Итальянской фиесте», нашем любимом местечке. В жаркую погоду мы покупали мороженое – по пинте шоколадного, сливочного с пеканом и темно-вишневого – и растягивали его на несколько дней. Каждый год, когда приходило время «Воздушного и водного шоу»[43 - Чикагское воздушное и водное шоу (англ. Chicago Air & Water Show) – ежегодное авиашоу, проводимое на берегу озера Мичиган в Чикаго, штат Иллинойс. Шоу проводится с 1959 года и является вторым по популярности чикагским фестивалем.], мы брали все для пикника и ехали вдоль озера Мичиган на огороженный полуостров, где находилась водоочистительная станция моего отца. Это был один из немногих дней в году, когда семьям сотрудников разрешалось войти в ворота и расположиться на лужайке возле озера, откуда открывался вид на пикирующие над водой реактивные истребители, не сравнимый ни с одним видом из пентхаусов на Лейк-Шор-драйв[44 - Лейк-Шор-драйв (англ. Lake Shore Drive) – автострада, а также модный жилой район на

берегу озера Мичиган.].

Каждый июль папа брал неделю отпуска от постоянного контроля за водонагревателями на станции и мы всемером, вместе с тетей и парой кузин, залезали в наш двухдверный «Бьюик» и несколько часов ехали через весь Южный берег в местечко под названием Уайт Клауд[45 - Уайт Клауд (англ. White Cloud) – маленький город в штате Мичиган, США.], штат Мичиган, отель Dukes Happy Holiday Resort. Там была комната для игр, автомат со стеклянными бутылочками газировки и, что еще более важно, большой открытый бассейн. Мы арендовали домик с мини-кухней и проводили дни напролет, прыгая в воду и вылезая обратно.

Родители делали барбекю, курили сигареты и играли в карты с тетей, но отец часто прерывался, чтобы присоединиться к нам, детям, в бассейне. Он был очень красивым, мой папа. С мускулистыми руками и грудью, длинными аккуратными усами. Долгими летними днями он плавал, смеялся и подбрасывал нас в воздух, а его слабые ноги наконец переставали быть для него помехой.

Степень упадка довольно трудно измерить, особенно когда находишься в эпицентре. Каждый сентябрь, возвращаясь в школу Брин Мор, мы с Крейгом замечали все меньше и меньше белых детей на игровой площадке. Кто-то переходил в соседнюю католическую школу, но большинство оставляло район. Сначала казалось, уезжают только белые семьи, но потом изменилось и это. Теперь район покидали все, у кого хватало средств. В большинстве переезды были внезапными и необъяснимыми. Мы просто однажды замечали большой знак «Продается» на лужайке семьи Якер или грузовой автомобиль перед домом Тедди и догадывались, что это означает.

Наверное, самым большим ударом для моей мамы был момент, когда ее подруга Вельма Стюарт объявила, что они с мужем внесли первый платеж за дом в местечке под названием «Лесной парк»[46 - «Лесной парк» (англ. Park Forest) – поселок к югу от Чикаго, в штате Иллинойс, США.]. У Стюартов было двое детей. Они, как и мы, арендовали часть дома ниже по Эвклид-авеню. Странное чувство юмора миссис Стюарт и громкий заразительный смех нравились моей маме. Они часто обменивались рецептами и ходили друг к другу в гости, но при этом не сплетничали, как большинство других мам. Сын миссис Стюарт, Донни, был одного возраста с Крейгом и тоже увлекался спортом, что тут же их сблизило. Ее дочь, Памела, вступила в подростковый возраст, и со мной ей стало неинтересно

(я же в то время сходила по подросткам с ума). О мистере Стюарте я помню не так много: он водил грузовик, доставляя грузы разным бакалейным лавочкам в городе. А еще – он, его жена и их дети были самыми светлокожими черными, которых я когда-либо встречала.

Понятия не имею, как они смогли позволить себе дом. «Лесной парк», как потом оказалось, был одним из первых полностью спланированных жилищных комплексов в пригородной Америке – не просто скоплением домов, но целым поселком на тридцать тысяч человек, с магазинами, церквями, школами и парками. Основанный в 1948 году, он стал во многих смыслах образцом загородной жизни с ее массовой застройкой, типовыми дворами и квотами на количество чернокожих семей, имеющих право проживать в одном квартале. Во время переезда Стюартов квоты ненадолго отменили.

Стюарты пригласили нас к себе в один из папиных выходных. Мы были в восторге: такая возможность приоткрыть завесу тайны легендарного пригорода. Мы вчетвером залезли в «Бьюик» и покатили по автостраде, ведущей прочь из Чикаго. Где-то через сорок минут пути мы восхитились видом стерильного торгового центра, а потом оказались среди тихих улочек и, следуя указаниям миссис Стюарт, стали поворачивать между идентичными кварталами. «Лесной парк» выглядел как город в миниатюре: скромные домики в стиле ранчо со светло-серой черепицей, маленькие саженцы кустов и деревьев.

– И зачем жить в такой глуши? – спросил отец, глядя поверх приборной панели.

Я согласилась, что это глупо. Насколько хватало глаз, не было видно ни одного гигантского дуба, не то что из окна моей спальни. Все в «Лесном парке» было новым и необжитым. Никаких алкогольных магазинов с потрепанными парнями у входа. Никаких сирен или автомобильных гудков. Никакой музыки, доносящейся из чьей-то кухни, – окна во всех домах заперты.

Для Крейга день прошел наилучшим образом, в основном потому, что он играл в мяч под открытым небом с Донни Стюартом и его новыми пригородными друзьями. Родители болтали с мистером и миссис Стюарт, а я увивалась за Памелой, пялилась на ее волосы, светлую кожу и подростковую бижутерию. Потом мы вместе обедали.

К вечеру мы вышли от Стюартов и побрели на закате к обочине, где отец припарковал машину. Крейг сильно набегался, вспотел и еле держался на ногах. Я тоже утомилась и была готова ехать домой. Это место заставляло меня нервничать. Мне не понравился пригород, хоть я и не могла точно сказать почему.

Позже мама отметит, что почти все соседи Стюартов, да и вообще все жители улицы были белыми.

– Интересно, – скажет она, – знали ли они, что Стюарты черные, до того как мы приехали.

Мама подумала, что мы, возможно, случайно раскрыли их своим темным цветом кожи, когда прибыли с Южной стороны Чикаго с подарком на новоселье. Даже если Стюарты не пытались специально скрыть свою расу, они, возможно, не упоминали о ней в разговоре с новым соседями. Какой бы ни была атмосфера в их квартале, Стюарты ее не нарушали. До тех пор, пока не приехали мы.

Смотрел ли кто-то из окна, как мой отец подходит к машине в сумерках? Скрывалась ли чья-то тень за занавеской в ожидании его реакции? Я никогда этого не узнаю. Помню только, как отец застыл, подойдя к машине со стороны водителя. Кто-то поцарапал бок его любимого «Бьюика». Огромная отвратительная борозда тянулась через всю дверь к багажнику. Она была сделана специально, ключом или камнем.

Как я уже говорила, мой отец был стоиком и никогда не жаловался, ни по большим, ни по маленьким поводам. Он с радостью ел даже печенку, если она подавалась к столу; когда доктор озвучил ему смертный приговор, папа не придал ему значения и просто пошел дальше. В этом эпизоде с машиной он повел себя точно так же. Будь у него способ бороться – дверь, в которую можно было бы постучать, призвав обидчика к ответу, – он все равно не стал бы этого делать.

– Черт меня побери, – выругался он, прежде чем открыть машину.

Мы поехали обратно в город, почти не обсуждая случившееся. В любом случае пригорода с нас хватило. На следующий день отцу пришлось ехать на работу, и я уверена, ему было не по себе. Царапине оставалось недолго красоваться на

хромированной поверхности «Бьюика». Как только выдалось свободное время, отец поехал в «Сирс» и стер ее навсегда.

3

Где-то в это время в моем брате-пофигисте расцвела тревожность. Не могу сказать, когда или почему это началось, но Крейг, который был на короткой ноге со всем районом, которого буквально похищали каждый раз, когда у него выдавалось 10 свободных минут, дома стал тревожным и настороженным. Он как будто знал, что беда уже на пути к нам. По вечерам брат придумывал все новые и новые опасности, настолько погружаясь в пространство гипотетического, что мы за него беспокоились.

Он боялся потерять зрение и стал носить дома повязку на глаза, чтобы изучить гостиную и кухню на ощупь. Он думал, будто оглохнет, и стал учить язык жестов. Страх ампутации заставил его есть и делать домашнюю работу с рукой, привязанной за спиной. «Никогда не знаешь, что произойдет», – рассуждал Крейг.

Его самым главным страхом, возможно, и самым реалистичным был страх пожара. Домашние пожары – обычное дело в Чикаго. Отчасти из-за владельцев трущоб[47 - Владельцы трущоб (англ. Slumlords) – принятое в бедных районах уничижительное название домовладельцев, которые пытаются свести к минимуму затраты на жилье, получая от него максимальную прибыль.], которые доводили свои жилища до аварийного состояния, чтобы получить компенсацию по страховке, а отчасти потому, что дымоуловители изобрели недавно и рабочий класс не мог их купить. В любом случае огонь наведывался в гости – случайный похититель домов и жизней.

Дедушка Саутсайд переехал в наш район после того, как огонь уничтожил его прежнее жилище в Вестсайде. К счастью, тогда никто не пострадал. (Если верить моей маме, во время пожара Саутсайд стоял на дорожке перед домом и кричал пожарным, чтобы те держали свои шланги подальше от его драгоценных джазовых пластинок.) А не так давно в трагедии, слишком большой для моего детского ума, один из моих одноклассников, Лестер Маккаллом, мальчик с милым личиком и длинным афро[48 - Модная в 70-х годах среди афроамериканцев прическа – объемные кудри, образующие шар вокруг головы.], живший за углом от нас на Семьдесят четвертой улице, погиб в пожаре вместе с

братом и сестрой. Они оказались заперты в ловушке пламени в своих спальнях на втором этаже.

Это были первые поминки в моей жизни: в похоронном бюро всхлипывали дети всего района; тихо играл альбом Jackson 5; взрослые замерли в ошеломительной тишине. Никто не осмеливался нарушать вакуум молчания молитвой или общими фразами. В передней части комнаты стояли три закрытых гроба с фотографиями улыбающихся детей. Миссис Маккаллом, которая выжила, выпрыгнув из окна вместе с мужем, сидела перед ними, настолько сломленная и убитая горем, что в ее сторону было больно смотреть.

Остов сгоревшего дома Маккалломов еще долго шипел и обваливался, умирая гораздо медленнее, чем его маленькие жильцы. Сильный запах гари преследовал нас по всему району.

Со временем страхи Крейга лишь возросли. В школе учителя проводили с нами учебные тревоги: показывали, как стоять, падать и катиться в случае пожара. Крейг решил провести тренировку дома, назначив себя семейным маршалом, а меня – своим лейтенантом. Он приготовился расчищать выходы и командовать родителями.

Приготовления вообще были пунктиком нашей семьи. Мы были не просто пунктуальными – мы всегда приезжали заранее, зная, что так отец будет менее уязвим. Если мы приедем заранее, ему не придется волноваться по поводу парковки, откуда нужно долго идти, или свободного места на трибунах во время очередной баскетбольной игры Крейга. Мы старались контролировать все, что подчиняется контролю.

Мы с Крейгом начали продумывать планы побега, проверяя, сможем ли в случае пожара выпрыгнуть из окна на дуб или соседскую крышу. Мы хотели знать, что будем делать, если на кухне загорится плита, в подвале замкнет электричество или в дом ударит молния.

Меньше всего мы волновались за маму. Она была маленькой и гибкой, а под действием адреналина наверняка бы перевернула даже машину, чтобы спасти ребенка. Гораздо сложнее дела обстояли с отцом. Инвалидность наверняка помешала бы ему выпрыгнуть из окна. Да и бегущим мы не видели его уже много лет.

Случись что-то страшное, наше спасение ничем не походило бы на послеполуденные фильмы по телевизору, в которых отец бросал детей через плечо с грацией Геркулеса и нес их в безопасное место. Геройствовать пришлось бы Крейгу, который на тот момент уже перерос папу, хотя и оставался при этом узкоплечим тонконогим мальчишкой. Он понимал, что подвиги требуют практики, поэтому прорабатывал худшие сценарии, приказывая отцу рухнуть мешком на пол и терпеливо ждать, пока Крейг вынесет его из угарного газа.

– О боже, – говорил папа, качая головой. – Ты серьезно собираешься это сделать?

Мой отец не привык к беспомощности. Он жил в постоянной борьбе с этой перспективой, тщательно ухаживая за нашей машиной, вовремя оплачивая счета, никогда не обсуждая свой рассеянный склероз и не пропуская ни одного дня на работе. Наоборот, он хотел быть опорой для других. Физическую помощь отец заменял эмоциональной поддержкой и советом. Вот почему ему так нравилось работать главой участка городского комитета демократической партии.

Он оставался на этом посту несколько лет, отчасти потому, что от госслужащих ожидали лояльной помощи. Но даже если отец был наполовину принужден к этой работе, он все равно любил ее всем сердцем, что всегда сбивало с толку маму. Политика отнимала уйму времени. Каждые выходные отец посещал соседние участки, чтобы проверить, все ли в порядке у избирателей. Иногда он брал с собой меня. Мы парковались на улице со скромными бунгало и поднимались на какое-нибудь крыльцо, чтобы встретиться со сгорбленной вдовой или пузатым, с банкой дешевого пива в руке работником фабрики. Они выглядывали через сетку на месте входной двери и обычно очень радовались папе, стоящему на крыльце с тростью в руке.

– Да это же Фрейзер! – говорили они. – Вот так сюрприз. Входи скорее.

Для меня в этих словах не было ничего хорошего. Они означали, что мы примем приглашение и вся моя суббота пойдет коту под хвост. Я просижу все время на диване или на кухне с бутылкой 7UP, пока отец будет получать обратную связь – на самом деле выслушивать жалобы, – чтобы потом передать их избранному олдермену[49 - Олдермен – в США член муниципального совета.], отвечающему за благосостояние района. Когда у кого-то возникали проблемы с вывозом мусора, расчисткой снега или ямами на дорогах, мой отец был тут как тут. В его обязанности входило сделать так, чтобы избиратели почувствовали, будто

демократы о них заботятся, – и, соответственно, проголосовали за них на выборах. К моему разочарованию, папа никогда никого не торопил. Время, по мнению моего отца, – это дар, и ты обязан им делиться. Он с удовольствием кудахтал над фотографиями чужих внуков, спокойно переносил сплетни, долгие молитвы или жалобы на здоровье и понимающе кивал, когда разговор доходил до того, как тяжело стало сводить концы с концами. Он даже обнимал старушек на прощание, уверяя их, что сделает все возможное, чтобы исправить положение.

Мой отец был уверен, что приносит пользу, и гордился этим. Поэтому во время наших домашних учений его мало интересовала роль пассивного реквизита в нашей воображаемой катастрофе. Он ни при каких обстоятельствах не собирался становиться обузой, парнем в отключке, свернувшимся на полу. Тем не менее он понимал, что для нас это важно, особенно для Крейга. Поэтому, когда сын просил отца лечь на пол, тот смешил нас, падая сначала на колени, потом на попу, а потом любезно растягиваясь во весь рост на ковре в гостиной, предварительно обменявшись взглядами с мамой. Мама находила все это немного смешным и всем своим видом говорила «ох уж эти чертовы дети».

Папа вздыхал и, закрыв глаза, ждал, когда руки Крейга обовьются вокруг его плеч и начнется спасательная операция. Потом мы с мамой смотрели, как без видимых усилий, но со слоновьей неуклюжестью Крейг поднимает 170 или около того фунтов[50 - 170 или около того фунтов = 77 кг или около того.] отцовского веса и переносит их через воображаемый ад. Он тащил папу через весь этаж, обогнув диван, к лестнице.

Отсюда, думал Крейг, отца нужно спускать вниз к входной двери, но папа запрещал ему практиковать эту часть учения. Он мягко говорил «ну все, хватит» и настаивал на том, чтобы подняться на ноги, прежде чем Крейг попытается протащить его вниз по лестнице. В конце концов отец и сын пришли к компромиссу.

Если бы дошло до дела, каждому из нас пришлось бы непросто, и не факт, что кто-нибудь бы выжил. Но по крайней мере у нас был план.

Я постепенно становилась все общительнее и начинала открываться внешнему миру. Мое природное сопротивление хаосу и спонтанности как-то незаметно

сошло на нет за время визитов по делам партии с отцом и всех остальных семейных выходов «в свет». Почти каждые выходные мы навещали десятки тетушек, дядюшек, кузин и кузенов, сидели в плотных облаках дыма от барбекю на чьем-то заднем дворе или бегали по району с чужими соседскими детишками.

В семье Саутсайда, маминого отца, было семеро детей. Он – старший из них. Родственники мамы чаще всего собирались в доме Саутсайда, привлеченные его кулинарными способностями, нескончаемыми партиями в вист и буйным джазом. Саутсайд магнитом притягивал всех нас. Его постоянное недоверие к миру за пределами собственной лужайки и беспокойство за нашу безопасность заставляли дедушку направлять всю энергию на создание оазиса вечного веселья и вкусной еды, как будто в надежде, что так мы никогда его не покинем. Он даже купил мне собаку – славного щенка овчарки коричного цвета, которого мы назвали Рексом. Мама не разрешила взять Рекса домой, поэтому я навещала его у Саутсайда. Я ложилась на пол, зарываясь лицом в мягкий мех щенка, и слушала, как его хвост радостно делал шлеп-шлеп каждый раз, стоило Саутсайду пройти мимо. Дедушка избаловал этого пса точно так же, как избаловал меня: едой, любовью и терпимостью в молчаливой, искренней мольбе никогда его не покидать.

Семью отца раскидало по всему Чикаго за пределами Южной стороны. Родственный круг включал в себя целую батарею двоюродных бабушек и троюродных кузенов, а также нескольких заблудших субъектов, чье кровное родство оставалось для нас туманным. Мы вращались вокруг них, как по орбите.

Для моего отца родня стояла выше всего. Он сиял, увидев своего дядю Калио, худощавого маленького человека с волнистыми волосами, похожего на Сэмми Дэвиса-младшего[51 - Сэмми Дэвис-младший (англ. Sammy Davis Jr.) – американский певец и актер. Внешне отличался худобой, морщинистым лицом, тонкими усиками и опущенными вниз уголками губ.] и почти всегда пьяного. Папа обожал свою тетю Верделл, которая жила с восемью детьми в запущенном многоквартирном здании рядом с шоссе Дэна Райана, где условия были совсем не такими, как наши.

По воскресеньям мы вчетвером обычно отправлялись в десятиминутную поездку до «Парквей-Гарденс», чтобы поужинать с родителями моего отца, Денди и бабулей, а также с его младшими братьями и сестрой: Эндрю, Карлтоном и Франческой. Они были младше отца больше чем на десять лет, поэтому казались нам скорее кузенами, чем дядями и тетями. Да и папа, думаю, чувствовал себя с

ними больше как их отец, чем как брат, раздавал советы и наличные по первой же просьбе. Франческа была умной и красивой девушкой и иногда давала мне расчесать свои волосы. Ослепительным модникам Эндрю и Карлтону едва исполнилось двадцать, они носили водолазки и брюки-клеш. У них были кожаные куртки и девушки, и разговаривали они о таких вещах, как Малкольм Икс[52 - Малкольм Икс (англ. Malcolm X) – афроамериканский духовный лидер и борец за права чернокожих. Был членом афроамериканской националистической организации «Нация ислама», затем отрекся от нее и был убит одним из ее членов в 1965 году.] и «духовная сила». Мы с Крейгом часами зависали в их комнате, пытаясь впитать хоть немного крутизны.

Дедушка, которого тоже звали Фрейзер Робинсон, как моего отца, не так нас интересовал. Обычно он курил сигары в своем кресле с газетой на коленях и включенным выпуском вечерних новостей по телевизору. Все кругом раздражало Денди. Его выводили из себя газетные заголовки, состояние дел в мире, молодые черные парни – «бу-бу», как он их называл, – они шатались везде без дела и порочили репутацию черных. Денди кричал на телевизор. Он кричал на мою бабушку, милую женщину с мягким голосом, благочестивую христианку Лавон. (Меня назвали Мишель Лавон Робинсон в ее честь.) Днем бабушка руководила процветающим магазином Библий в Саутсайде, но в остальные часы, в обществе Денди, она вела себя тихо и смиренно, что даже для меня, маленькой девочки, выглядело странно. Она готовила дедушке еду, выслушивала шквал его жалоб и обид и не говорила ни слова в свою защиту. Было что-то в молчаливой смиренности моей бабушки, в ее отношениях с Денди, запавшее мне в душу.

Если верить маме, я была единственной в семье, кто противостоял Денди. Я делала это регулярно на протяжении многих лет, с тех пор, когда была совсем малышкой. Отчасти потому, что не могла понять, почему моя бабушка не может за себя заступиться, отчасти потому, что все остальные рядом с ним молчали, и в последнюю очередь потому, что я любила Денди с той же силой, с которой он обескураживал меня. Я помню его упорство и, думаю, отчасти его унаследовала – хотя, надеюсь, в менее грубой форме. Но были в дедушке и проблески мягкости. Он нежно гладил меня по шее, когда я сидела у него в ногах. Он улыбался, когда отец шутил или один из нас, детей, вставлял в разговор словцо. Но потом что-то снова его задевало, и он начинал рычать.

«Хватит кричать на всех, Денди», – говорила я. Или: «Не груби бабуле». А потом добавляла: «Что могло тебя так взбесить?»

Ответ на этот вопрос был одновременно сложным и простым. Сам Денди обычно оставлял его открытым, раздраженно пожимал плечами и возвращался к своей газете. Родители пытались мне объяснить всё дома.

Денди родился в Южной Каролине. Он вырос в дождливом морском порту Джорджтауна, где на огромных плантациях трудились тысячи рабов, собирая урожаи риса и индиго[53 - Синий красящий пигмент, индиго, добывается из порошка листьев индигоферы красильной, род бобовые. – Прим. ред.] и зарабатывая своим владельцам состояние. Рожденный в 1912 году, мой дедушка был внуком рабов, сыном фабричного рабочего и старшим из десяти детей в семье. Находчивого и умного паренька звали Профессором и надеялись, что однажды он поступит в колледж. Однако он не только был черным из бедной семьи, но еще и рос во времена Великой депрессии[54 - Великая депрессия (англ. Great Depression) – мировой экономический кризис, начавшийся в 1929 году и продолжавшийся до 1939 года.].

После окончания школы Денди пошел работать на лесопилку, зная, что если останется в Джорджтауне, то переменам в его жизни не бывать. Когда лесопилку закрыли, он, как и многие другие афроамериканцы того времени, ухватился за этот шанс и перебрался на север, в Чикаго, присоединившись к явлению, позднее получившему название Великой миграции[55 - Великая миграция (англ. Great Migration) – массовое переселение около 6 миллионов афроамериканцев из сельскохозяйственных южных штатов в промышленные города Севера, Северо-Востока и Запада США с 1910-х по 1970-е годы.], в ходе которой около шести миллионов чернокожих на протяжении пяти десятилетий перебирались в большие северные города, спасаясь от сегрегации и охотясь за городской работой.

Будь это история об американской мечте, то Денди, едва приехав в Чикаго в начале 1930-х, нашел бы хорошую работу и поступил в колледж. Но реальность выглядела иначе. На работу устроиться было не так-то просто: менеджеры крупных фабрик в Чикаго предпочитали нанимать европейских эмигрантов вместо афроамериканцев. Денди устроился расстановщиком кеглей в боулинге, подрабатывал разнорабочим. Он присмирел, навсегда распрощался с мечтой об образовании и решил, что вместо этого станет электриком. Но его планам не суждено было сбыться. В то время, если ты хотел работать электриком (или сталеваром, плотником и сантехником, если уж на то пошло) или поступить на любую другую должность в Чикаго, тебе нужен был профсоюзный билет. А если ты черный – тебе он не полагался.

Эта форма дискриминации изменила судьбы многих поколений афроамериканцев, в том числе членов моей семьи, ограничив их доходы, их возможности и, конечно же, их цели. Будучи плотником, Саутсайд не мог работать на крупные строительные компании, которые предлагали постоянный заработок на длительных проектах, – ведь ему не разрешалось присоединиться к профсоюзу. Мой двоюродный дедушка Терри, муж Робби, по той же причине бросил карьеру сантехника, вместо этого став пулман-портье на железной дороге. Дядя Пит (по маминой линии) не смог присоединиться к профсоюзу таксистов и был вынужден водить джитни[56 - Джитни (англ. Jitney) – частный легковой автомобиль, перевозивший пассажиров за небольшую плату. Прообраз маршрутного такси (маршрутки).], подбирая пассажиров в небезопасных районах Вестсайда, куда не совались нормальные такси. Он был очень умным, трудоспособным мужчиной, которому закрыли доступ к стабильной высокооплачиваемой работе, что, в свою очередь, не позволило ему купить дом, отправить детей в колледж или отложить деньги на пенсию.

Я знаю, они страдали в роли изгоев, прозябали на низкоквалифицированной работе, смотрели, как белые обгоняют их в карьере, обучали специалистов, которые однажды станут их боссами. Это порождало обиду и недоверие: никогда не угадаешь, какими глазами на тебя смотрят другие и насколько высоко позволят тебе подняться.

Жизнь Денди сложилась не так уж плохо. Он познакомился с моей бабушкой в церкви Саутсайда и наконец устроился на работу с помощью Федерального агентства по трудоустройству (WPA) – программы помощи, нанимавшей неквалифицированных рабочих на строительные проекты во время Депрессии. Затем он тридцать лет проработал на почте и, наконец, вышел на пенсию, которая позволяла ему ворчать на бубнящий телевизор из удобного кресла с откидывающейся спинкой.

В конце концов у него родилось пятеро детей, таких же умных и дисциплинированных, как он сам. Номини, его второй ребенок, окончит Гарвардскую школу бизнеса. Эндрю и Карлтон станут проводником поезда и инженером соответственно. Франческа будет какое-то время работать креативным директором в рекламе, а потом станет учительницей начальных классов. Но Денди никогда не смотрел на детей как на продолжение собственных достижений. Каждое воскресенье мы наблюдали горький осадок его разбитых надежд.

Мои вопросы к Денди были слишком сложными, чтобы получить на них ответы, и, как я скоро выясню, с большинством жизненных вопросов дело обстоит так же. Только теперь я сама начинала с ними сталкиваться. Один из них пришел от девочки, чье имя я не помню, – моей дальней родственницы. Мы играли на заднем дворе бунгало одной из многочисленных двоюродных бабушек. Как только мы появлялись на пороге такого дома, туда набегала толпа слабо связанных с нами кровными узами людей. Пока взрослые пили кофе и смеялись на кухне, мы с Крейгом присоединялись к детям, которые пришли вместе с этими взрослыми, на улице. Иногда нам казалось неловко изображать дружбу, но чаще всего все было в порядке. Крейг почти всегда исчезал, убегая играть в баскетбол, а я скакала в «часики» или пыталась вникнуть в беседу.

Как-то летом, когда мне было десять, я сидела на ступеньках одного из таких домов, болтая с группой девочек своего возраста. Мы все были в шортах и с хвостиками на голове и в целом просто убивали время. Мы обсуждали все подряд: школу, старших братьев, муравейник на земле.

В какой-то момент девочка – двоюродная, троюродная или четвероюродная сестра – посмотрела на меня искоса и немного грубо спросила: «Чего это ты разговариваешь как белая?»

Вопрос задали с целью оскорбить или, по крайней мере, бросить мне вызов, но я знала, что он искренний. Она затронула то, что смущало нас обеих. Мы должны были быть одинаковыми, но на самом деле оставались людьми из разных миров.

«Неправда», – возмущенно ответила я, смутившись под взглядами других девочек.

Хотя она была права. Мы с Крейгом действительно говорили не так, как большинство родственников. Наши родители постоянно твердили о важности правильной дикции. Они учили нас говорить «пошел» вместо «пшел» и «нет» вместо «не-а». Нас учили правильной артикуляции. Родители купили все выпуски Британской энциклопедии и поставили их на полке рядом с лестницей, откуда те сверкали золотыми буквами на корешках. Каждый раз, когда мы задавали вопрос о слове, идее или историческом событии, мама с папой отправляли нас к книгам. Денди, конечно, тоже влиял, придирчиво поправляя нашу грамматику или заставляя нас четко произносить слова за ужином. Нас готовили к тому, чтобы мы пошли дальше. Они планировали это. Поощряли это. Мы должны были

быть не просто умными – мы должны были демонстрировать ум и гордиться им, а значит, правильно говорить.

Однако в этом и заключалась проблема. Говорить «по-белому», как многие это называли, означало быть высокомерным предателем и отрицать свою культуру. Годы спустя, когда я уже встречу своего будущего мужа – человека, светлокожего для одних и темнокожего для других, который говорил как черный гаваец, окончивший университет Лиги плюща[57 - Лига плюща (англ. Ivy League) – ассоциация восьми старейших университетов Америки: Гарварда (Harvard), Принстона (Princeton), Йеля (Yale), Брауна (Brown), Колумбии (Columbia), Корнелла (Cornell), Дартмута (Dartmouth) и Пенсильвании (Pennsylvania).] и выросший под крылом белой матери из Канзаса, – я увижу, как этот стереотип работает на национальном уровне. Я еще не раз столкнусь с желанием людей определять кого-то через его или ее этническую принадлежность и с замешательством, когда это оказывается не так просто. Америка будет задавать Бараку Обаме те же вопросы, которые моя кузина подразумевала в тот день на крыльце: ты – действительно та, кем кажешься? Я правда могу тебе доверять?

Я провела остаток дня, стараясь не разговаривать с кузиной, чтобы показать себя настоящую, без мнимого преимущества. Мне было трудно понять, что делать. Я слышала, как струится разговор взрослых на кухне, как легко звенит смех родителей, видела, как мой брат играет в мяч на другой стороне улицы с соседскими ребятами. Мне казалось, все отлично вписываются, кроме меня.

Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что впереди меня ждали намного более глобальные вызовы, определяющие то, с кем я, откуда и куда я иду. Мне еще многое пришлось пройти, прежде чем обрести свой голос.

4

Каждый день в школе нам давали час на обед. Моя мама не работала, и наша квартира была близко, поэтому обычно в перерыв я маршировала домой вместе с четырьмя или пятью девчонками на хвосте. Мы болтали без умолку всю дорогу, а потом растягивались на кухонном полу, играли в «Джекс»[58 - Популярная игра в шарики и чертики. – Прим. науч. ред.] и смотрели «Все мои дети»[59 - «Все мои дети» (англ. All My Children) – американская мыльная опера, которая транслировалась с 1970 по 2013 год на канале ABC.], пока мама готовила

сэндвичи. Для меня эти походы стали привычкой, поддерживающей порядок жизни, основой нашего уютного жизнерадостного «Девчачьего совета» – оплота женской мудрости. Мы разбирали все произошедшее утром в школе: все наши стычки с учителями и их бессмысленные задания. Наши убеждения почти полностью зависели от мнения Совета. Мы обожали Jackson 5 и были не уверены в своих чувствах к The Osmonds[60 - The Osmonds – американская семейная поп-группа.]. В то время как раз произошел Уотергейт[61 - Уотергейтский скандал (англ. Watergate scandal) – политический скандал в США 1972–1974 годов, закончившийся отставкой президента страны Ричарда Никсона.], но никто из нас его не понял. Для нас он выглядел как кучка пожилых мужчин, говорящих в микрофон где-то в Вашингтоне – далеком городе, полном белых зданий и белых людей.

Маме нравилось нас привечать, мы были ее окном в мир. Пока мы ели и сплетничали, она обычно тихо стояла рядом, занимаясь какими-то домашними делами и даже не скрывая, что ловит каждое наше слово. В моей семье, живущей меньше чем на 900 квадратных футах[62 - Около 83,5 кв. м. – Прим. ред.], ни у кого не было возможности уединиться. Для нас это почти не имело значения – разве что изредка. Например, когда Крейг внезапно начал интересоваться девчонками и разговаривать с ними по телефону за закрытой дверью в ванной – завитки телефонного провода протягивались от кухонной стены через весь коридор.

Брин Мор находился где-то посередине между плохими и хорошими в рейтинге чикагских школ. Расовая и экономическая сортировка в Саутсайде продолжалась в течение всех 1970-х, а значит, школьники год от года становились все более черными и бедными. Какое-то время стало популярным отправлять детей в школу на автобусах в другие части города. Но родители Брин Мор воспротивились этой моде, рассудив, что лучше вложат деньги в развитие своей школы.

В детстве я не замечала, что здания в нашем районе ветшают, а белых детей практически не осталось. Я ходила в Брин Мор с детского сада по восьмой класс и к старшей школе знала каждый школьный выключатель, мелок и трещину в стене, а также практически всех учителей и большинство детей. Для меня школа была вторым домом.

Я училась в седьмом классе, когда «Чикагский адвокат», еженедельник, популярный среди афроамериканцев, опубликовал злобную колонку, в которой

говорилось, будто Брин Мор, некогда одна из лучших школ города, теперь превратился в «неблагополучные трущобы» с «ментальностью гетто». Наш директор, доктор Лавиццо, тут же отправил редактору газеты письмо в защиту учеников и их родителей, назвав колонку «вопиющей ложью, написанной исключительно с целью навязать людям ощущение провала и желание бежать».

Доктор Лавиццо был круглолицым, благодушным мужчиной с афро, торчащим по бокам от лысины. Почти все свое время он проводил в кабинете рядом с центральным входом в школу. Из письма было ясно, что он очень отчетливо понимал, против чего выступает.

Ощущение провала настигает задолго до самого провала. Уязвимость расширяется сомнениями в себе и затем, часто предумышленно, обостряется страхом. «Ощущение провала», о котором писал директор, царило во всем нашем районе: в родителях, которые не могли увеличить свой заработок, детях, которые начинали подозревать, что их жизнь никогда не изменится к лучшему, и семьях, которые каждый день наблюдали, как их более благополучные соседи уезжают в пригороды или переводят отпрысков в католические школы. Агенты по недвижимости хищно прочесывали весь Саутсайд, нашептывая домовладельцам, что те должны продавать жилье, пока не стало слишком поздно, и предлагая помочь сбежать. Мы все знали: провал уже на полпути к нам и остается либо застрять в руинах, либо сбежать. Все использовали слово, которого раньше так боялись, – «гетто», – бросая его в воздух, как зажженную спичку.

Моя мама этому не верила. Она жила в Саутсайде уже десять лет и прожила бы еще сорок. Она не покупалась на подстрекательство и обладала иммунитетом против журавлей в небе. Мама была реалисткой, четко представляющей границы своих возможностей. Поэтому в Брин Мор она стала одной из главных активисток родительского комитета: помогала собирать средства на новое оборудование в классы, приглашала учителей на званые ужины и лоббировала создание специального класса для одаренных учеников разного возраста. Последняя инициатива была детищем доктора Лавиццо, решившего создать такой класс во время работы над докторской диссертацией по педагогике. Формирование классов по способностям, а не по возрасту пришлось бы кстати одаренным детям, которые вместе должны были обучаться гораздо быстрее.

Противоречивая идея критиковалась за антидемократизм, как обычно и бывает с программами для «талантливых и одаренных». Но в то же время эта система

обучения продолжала набирать обороты по всей стране, и я оказалась среди ее бенефициаров.

Я присоединилась к группе из двадцати школьников разного возраста. Мы учились в собственном классе, отдельно от всей остальной школы, по собственному расписанию перемен, обедов, уроков музыки и физкультуры. Нам открывались уникальные возможности, включая еженедельные поездки в местный колледж на продвинутые писательские курсы или в лабораторию на препарирование крыс. В классе мы занимались самостоятельными исследованиями, сами устанавливали цели и комфортную скорость изучения.

Нам предоставили собственных учителей: сначала мистера Мартинеза, потом мистера Беннетта. Оба они были добрыми афроамериканцами с хорошим чувством юмора, и оба уделяли особое внимание мнению учеников. Мы чувствовали, что школа инвестирует в нас. И это, как мне кажется, заставляло нас больше стараться и повышало самооценку.

Независимое обучение подпитывало мою страсть к соревнованиям. Я продиралась сквозь расписание, подсчитывала свои очки и определяла, на каком я месте в турнирной таблице по всем задачам, от деления в столбик до основ алгебры, от написания одного параграфа до превращения его в полноценную исследовательскую работу. Для меня все это было игрой. И, как и большинству детей, больше всего в играх мне нравилось побеждать.

Я рассказывала маме практически обо всем происходившем в школе. Сводка новостей дополнялась, когда я заходила в дверь во второй половине дня, бросала на пол портфель и искала, чем бы перекусить. Сейчас я понимаю, что даже не представляю себе, чем именно мама занималась, пока мы были в школе. В основном потому, что в эгоцентричной манере, присущей всем детям, никогда не спрашивала. Я не представляю, о чем она думала и как оценивала традиционную роль домохозяйки. Единственное, я была уверена: когда я приду домой, в холодильнике будет еда не только для меня, но и для всех моих друзей. А если мы с классом решим поехать на экскурсию, мама точно отправится с нами в качестве волонтера-сопровождающего: появится рядом с автобусом в красивом платье и с темной помадой на губах, и мы все вместе поедем в местный колледж или зоопарк.

Бюджет у нашей семьи был скромным, но мы это никогда не обсуждали. Мама находила какие-то способы компенсировать траты. Она сама делала маникюр и красила волосы (однажды случайно покрасила в зеленый), а новые вещи в ее гардеробе появлялись, только если папа дарил их на день рождения. Мама никогда не была богатой и поэтому научилась быть изобретательной. Когда мы были маленькими, она волшебным образом превращала старые носки в игрушки, выглядящие точь-в-точь как Маппеты. Мама вязала салфетки для столов. Она даже шила мне одежду до средней школы, пока не оказалось, что самое главное в жизни – лейбл в форме лебедя от Глории Вандербилт[63 - Глория Вандербилт (англ. Gloria Vanderbilt) – американская актриса, художница, писательница, светская дама и одна из первых дизайнеров синих джинсов.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Южная лужайка (англ. South Lawn) Белого дома, также известная как «задний двор Белого дома», расположена перед южным фасадом здания президентской резиденции. Ее украшает большой фонтан. – Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.

2

Зал Договора (англ. Treaty Room) находится на третьем, «семейном» этаже Белого дома и используется как личный кабинет президента. Назван так в честь того, что в 1898 году двадцать пятый президент США Уильям Мак-Кинли подписал в нем мирный договор с Испанией.

3

Балкон Трумэна (англ. Truman Balcony) находится на втором этаже Белого дома и выходит на Южную лужайку. Был построен в 1948 году при президентстве Гарри Трумэна. В 2012 году Барак Обама упоминал балкон в числе любимых мест Мишель Обамы в Белом доме.

4

Кэмп-Дэвид (англ. Camp-David) – загородная резиденция президента США в паре часов езды от Вашингтона. Расположена в парке горы Катоктин.

5

Академический год (англ. Gap year) – год перерыва между окончанием школы и началом учебы в вузе. Многие колледжи, в первую очередь Гарвардский и Принстонский университеты, поощряют взятие академического года и даже предлагают для него свои программы. Малия Обама брала академический год перед поступлением в Гарвард.

6

91,4 метра. – Прим. ред.

7

Карманные куколки Полли (англ. Polly Pocket) – серия кукол и аксессуаров карманного размера в пластиковых чемоданчиках.

8

Пасхальные куличики (англ. Hot Cross Buns) – английская детская песенка.

9

«Колыбельная» написана немецким композитором Иоганнесом Брамсом как часть симфонии в 1868 году.

10

«Чикаго Кабс» (англ. Chicago Cubs) – профессиональный бейсбольный клуб.

11

Сладкий свинг (англ. Sweet swing) – устойчивое выражение. Свинг – удар в бейсболе, при котором мяч летит за пределы поля. «Сладкий свинг», таким

образом, означает свинг, пришедшийся на нужный момент.

12

Грант-парк (англ. Grant Park) – большой городской парк (1,29 км?) в Чикаго.

13

3 фута = 91 см.

14

Чикагский институт искусств (англ. Art Institute of Chicago) – художественный музей и высшее учебное заведение.

15

«Ньюпорт» (англ. Newport) – американские сигареты с ментоловым вкусом.

16

Софтбол (англ. softball) – спортивная командная игра с мячом, разновидность бейсбола.

17

Парквэй-Гарденс (англ. Parkway Gardens) – комплекс жилых домов на юге Чикаго, построенный в рамках программы доступного жилья в 1950-х.

18

1 миля = 1,61 км.

19

10 дюймов = 25,4 см.

20

Некоторые американцы из бедных слоев населения использовали пластиковые защитные чехлы для мебели, чтобы она меньше изнашивалась, особенно если в доме животные или дети.

21

Jackson 5 – американская музыкальная группа, состоящая из братьев Джексон, в числе которых был и самый известный в дальнейшем – Майкл Джексон.

22

Северо-Западный университет (англ. Northwestern University) – частный исследовательский американский университет, расположенный в северном пригороде Чикаго – городе Эванстон, штат Иллинойс.

23

Пулман-портье – работники, обслуживающие спальные вагоны знаменитых пулмановских поездов. Джордж Пулман называл такие вагоны гостиницей на колесах. – Прим. науч. ред.

24

Вестсайд (англ. Westside) – западная сторона города. Саутсайд (англ. Southside) – южная.

25

Конспиролог – приверженец теории заговора, то есть концепции, объявляющей отдельные общественно значимые события или даже ход истории в целом результатом заговора со стороны некой группы людей.

26

Законы Джима Кроу (англ. Jim Crow laws) – неофициальное название законов о расовой сегрегации в южных штатах США в период 1890–1964 годов.

27

Элла Фицджеральд (англ. Ella Fitzgerald) – одна из величайших вокалисток в истории американского джаза.

28

Джон Колтрейн (англ. John Coltrane) – американский джазовый саксофонист и композитор, знаменитый импровизатор.

29

Стиви Уандер (англ. Stevie Wonder) – американский соул-певец, музыкант-мультиинструменталист и композитор, страдающий слепотой. Основоположник современного соула и R’n’B.

30

Арета Франклин (англ. Aretha Franklin) – американская певица, общепризнанная королева соула.

31

Майлс Дэвис (англ. Miles Davis) – трубач и лидер джаз-бэндов, основоположник фьюжна и кул-джаза.

32

Билли Холидей (англ. Billie Holiday) – американская певица, значительно повлиявшая на развитие джазового вокала.

33

Осмос – процесс односторонней диффузии молекул через полупроницаемую мембрану.

34

Университет Рузвельта (англ. Roosevelt University) – частный университет с кампусами в Чикаго, Иллинойс, и Шаумбург, Иллинойс. Основанный в 1945 году, университет назван в честь бывшего президента Франклина Делано Рузвельта и первой леди Элеоноры Рузвельт.

35

9 миль = 14,48 км.

36

«Сирс» (англ. Sears) – американская компания, управляющая несколькими международными сетями розничной торговли.

37

Начальная школа Брин Мор (англ. Bryn Mawr Elementary School) – школа в южной части Чикаго, сегодня переименованная в Bouchet Elementary Math & Science Academy.

38

Дик и Джейн (англ. Dick and Jane) – главные герои популярных книг С. Грея и Зерны Шарп, которые использовались для обучения детей чтению в США с 1930-х по 1960-е годы.

39

Манильская бумага – сорт сверхпрочной бумаги, в состав сырья которой входит манильская пенька.

40

Spelling bee (англ. spell – произносить по буквам + bee (истор.) – конкурс) – конкурс произношения слов по буквам.

41

Джо-солдат (англ. J. I. Goe) – линия игрушечных фигурок солдатиков производства компании Hasbro. На основе этой линии игрушек были созданы многочисленные комиксы и фильмы, в том числе «Бросок кобры» 2009 года.

42

Рейнбоу-Бич (англ. Rainbow Beach) – парк, разбитый рядом с побережьем озера Мичиган в Чикаго.

43

Чикагское воздушное и водное шоу (англ. Chicago Air & Water Show) – ежегодное авиашоу, проводимое на берегу озера Мичиган в Чикаго, штат Иллинойс. Шоу проводится с 1959 года и является вторым по популярности чикагским фестивалем.

44

Лейк-Шор-драйв (англ. Lake Shore Drive) – автострада, а также модный жилой район на берегу озера Мичиган.

45

Уайт Клауд (англ. White Cloud) – маленький город в штате Мичиган, США.

46

«Лесной парк» (англ. Park Forest) – поселок к югу от Чикаго, в штате Иллинойс, США.

47

Владельцы трущоб (англ. Slumlords) – принятое в бедных районах уничижительное название домовладельцев, которые пытаются свести к минимуму затраты на жилье, получая от него максимальную прибыль.

48

Модная в 70-х годах среди афроамериканцев прическа – объемные кудри, образующие шар вокруг головы.

49

Олдермен – в США член муниципального совета.

50

170 или около того фунтов = 77 кг или около того.

51

Сэмми Дэвис-младший (англ. Sammy Davis Jr.) – американский певец и актер. Внешне отличался худобой, морщинистым лицом, тонкими усиками и опущенными вниз уголками губ.

52

Малкольм Икс (англ. Malcolm X) – афроамериканский духовный лидер и борец за права чернокожих. Был членом афроамериканской националистической организации «Нация ислама», затем отрекся от нее и был убит одним из ее членов в 1965 году.

53

Синий красящий пигмент, индиго, добывается из порошка листьев индигоферы красильной, род бобовые. – Прим. ред.

54

Великая депрессия (англ. Great Depression) – мировой экономический кризис, начавшийся в 1929 году и продолжавшийся до 1939 года.

55

Великая миграция (англ. Great Migration) – массовое переселение около 6 миллионов афроамериканцев из сельскохозяйственных южных штатов в промышленные города Севера, Северо-Востока и Запада США с 1910-х по 1970-е годы.

56

Джитни (англ. Jitney) – частный легковой автомобиль, перевозивший пассажиров за небольшую плату. Прообраз маршрутного такси (маршрутки).

57

Лига плюща (англ. Ivy League) – ассоциация восьми старейших университетов Америки: Гарварда (Harvard), Принстона (Princeton), Йеля (Yale), Брауна (Brown), Колумбии (Columbia), Корнелла (Cornell), Дартмута (Dartmouth) и Пенсильвании (Pennsylvania).

58

Популярная игра в шарики и чертики. – Прим. науч. ред.

59

«Все мои дети» (англ. All My Children) – американская мыльная опера, которая транслировалась с 1970 по 2013 год на канале ABC.

60

The Osmonds – американская семейная поп-группа.

61

Уотергейтский скандал (англ. Watergate scandal) – политический скандал в США 1972–1974 годов, закончившийся отставкой президента страны Ричарда Никсона.

62

Около 83,5 кв. м. – Прим. ред.

63

Глория Вандербилт (англ. Gloria Vanderbilt) – американская актриса, художница, писательница, светская дама и одна из первых дизайнеров синих джинсов.

Купить: https://tellnovel.com/obama_mishel/becoming-moya-istoriya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити